

Письмо

Автор:

Кэтрин Хьюз

Письмо

Кэтрин Хьюз

Тропою души: семейная история

Тина, ищущая спасения от своего несчастливого брака, работает в комиссионном благотворительном магазинчике. Однажды, перебирая сданные вещи, она обнаруживает в кармане поношенного костюма запечатанный конверт. Не в силах побороть любопытство, Тина вскрывает его и находит внутри письмо, написанное три десятка лет назад. Тина берется выяснить, кому было предназначено это письмо, кто его написал и почему оно так и не дошло до адресата...

Это роман о любви, утрате и удивительных совпадениях.

Кэтрин Хьюз

Письмо

Kathryn Hughes

THE LETTER

Copyright © 2013 Kathryn Hughes

© Красавина Н., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Робу, Кэмерону и Эллен

Пролог

Настоящее время

Она всегда находила удовольствие в мелочах. В том, как едва слышно гудит желтобрюхий мохнатый шмель, деловито перелетая с цветка на цветок и даже не подозревая, сколь важна его работа для всего человеческого рода. В пьянящем аромате и буйстве красок душистого горошка, который она посадила в огороде, хотя другие на ее месте предпочли бы засеять грядки его более съедобными сородичами. Или в том, как муж потирает затекшую поясницу, удобряя клумбу с розами, без единой жалобы, хотя сотни занятий принесли бы ему куда больше радости.

Она нагнулась выдернуть сорняк, как вдруг почувствовала в своей руке крошечную ладошку внучки, теплую и доверчивую. Это была еще одна мелочь, самая приятная из всех, от которой у нее на лице всегда расцветала улыбка, а на сердце становилось теплее.

– Бабуля, а что ты делаешь?

Она обернулась и посмотрела на любимую внучку. Щеки девочки румянились в лучах вечернего солнца, а курносый нос был весь измазан грязью. Она достала платок и осторожно вытерла земляные кляксы:

- Полю сорняки, только и всего.

- А зачем?

На секунду она задумалась.

- Им здесь не место.

- Где же тогда их место?

- Это просто сорняки, милая, у них нет места.

Внучка выпятила нижнюю губу и насупила брови.

- Нет, это неправильно. У всего есть место.

Улыбнувшись, она поцеловала девочку в макушку и посмотрела на мужа. Его некогда черные волосы тронула седина, а на лице стало больше морщин, но годы, казалось, совсем его не состарили, и каждый день она благодарила судьбу, что нашла его. Несмотря на все напасти, через которые им пришлось пройти, сейчас их место было здесь, рядом друг с другом.

Она обернулась к внучке:

- Ты права. Давай посадим их обратно.

Она выкопала небольшую лунку, не переставая удивляться, как многому могут научить дети и насколько их мудрость недооценивают, если и вовсе замечают.

- Ба?

Она очнулась от раздумий.

- Что, милая?

- А как вы с дедушкой познакомились?

Она встала и взяла внучку за руку. Убрал прядку золотых волос с лица девочки, она сказала:

- Даже не знаю, с чего начать. Видишь ли, это очень длинная история...

Часть первая

Глава 1

Март 1973 года

Всё, на этот раз она умрет, без всяких сомнений. Она знала, что ей оставалось недолго, и молилась, чтобы конец пришел быстрее. Она чувствовала, как по шее течет теплая липкая кровь. Секундой раньше она слышала тошнотворный хруст собственного черепа, когда муж со всего размаху швырнул ее о стену. Во рту мешалось что-то похожее на осколок гравия – ее зуб, который она отчаянно пыталась выплюнуть. Его руки сдавили горло так сильно, что она не могла ни дышать, ни издать ни единого звука. Легкие сжались, моля о глотке кислорода, а глаза готовы были выскочить из орбит. Голова закружилась, и наконец она начала проваливаться в спасительную темноту.

Раздался давно позабытый треск школьного звонка, и вдруг ей снова было пять лет. Болтовня остальных детей тонула в непрекращающемся дребезге. Она закричала, чтобы они перестали, вдруг осознав, что у нее, оказывается, был голос.

Она распахнула глаза и уставилась в потолок спальни, потом перевела взгляд на будильник, который только что вырвал ее из ночного кошмара. По спине стекали холодные капельки пота, а сердце продолжало бешено колотиться. Она натянула одеяло по самый подбородок, стараясь сохранить уютное тепло еще хоть на мгновение, и осторожно выдохнула. Ее дыхание превратилось в пар и застыло в студеном воздухе. С невероятным усилием она заставила себя встать

с кровати и поежилась, коснувшись босыми ногами ледяного шершавого пола. Она взглянула на Рика – он, к счастью, все еще крепко спал, похрапывая после опустошенной бутылки виски. Она убедилась, что его сигареты по-прежнему лежат на тумбочке, куда она предусмотрительно положила их еще вчера. Если с утра Рик не мог найти свои сигареты – день был испорчен.

Она тихонько пробралась в ванную и прикрыла дверь. Чтобы Рик проснулся, за окном должна была прогреметь вторая Хиросима, но Тина не хотела рисковать. Она набрала таз ледяной, как обычно, воды, чтобы помыться. Зачастую им приходилось выбирать, кого кормить – себя или счетчик. Рик потерял работу в автобусной компании, так что на отопление денег оставалось немного. На выпивку, сигареты и азартные игры, правда, хватало, вздохнула она про себя.

Она спустилась на кухню и поставила чайник. В дверной щели уже торчали газеты – «Сан» для нее и «Спортинг лайф» для мужа. Она вытащила их и рассеянно пробежала глазами. Ее внимание привлек заголовок. Сегодня был день скачек «Гранд Нэшнл». От одной мысли, сколько денег на них просадит Рик, ей стало не по себе. К обеду он наверняка уже будет так пьян, что едва ли отважится самостоятельно дойти до букмекерской конторы, так что ставки придется делать Тине. Контора располагалась по соседству с благотворительным магазином, в котором она помогала по субботам, и букмекер Грэм стал за долгие годы ее близким другом. Несмотря на то, что Тина всю неделю работала стенографисткой в страховом агентстве, она с нетерпением ждала своего дня в магазине. Рик говорил ей, что глупо тратить целый день, добровольно разгребая шмотки покойников, вместо того, чтобы работать в нормальном магазине и пополнять семейный бюджет. Но для Тины это было поводом отвязаться от Рика хотя бы на день, и к тому же ей нравилось болтать с покупателями – с ними она могла не следить за каждым сказанным словом.

Тина включила радио и убавила звук. Тони Блекберн со своими плоскими шутками всегда знал, как рассмешить ее. Он как раз объявлял новый сингл Донни Осмонда, «Двенадцатое никогда», когда чайник тихонько засвистел. Она подхватила его, пока звук не превратился в пронзительный свист, и засыпала две ложки чайных листьев в старый заварной чайник. Дожидаясь, пока чай настоится, она присела за стол и развернула газету. Услышав, как сверху в туалете спустили воду, она замерла. Деревянные половицы заскрипели обратно в сторону кровати, и она с облегчением выдохнула. В ту же секунду раздался голос, и она снова застыла:

– Тина! Где сигареты?

«Боже, когда же он перестанет дымить как паровоз?»

Она вскочила с места и бросилась наверх, перепрыгивая через две ступеньки.

– У тебя на тумбочке, я еще вечером положила, – ответила она, вбежав в комнату, едва дыша.

Она провела рукой по тумбе, пытаясь нащупать в темноте чертовы сигареты. Их не было. Тина сделала глубокий вдох, пытаясь совладать с подступающей паникой.

– Я немного раздвину шторы. Ничего не видно.

– Черт подери, женщина! Я что – так много прошу? Чтобы у мужика с утра была сигарета! Это что, так сложно? У меня все горло дерет.

От него несло вчерашним кислым виски.

Наконец она нашла сигареты на полу – они завалились между кроватью и тумбой.

– Вот они. Ты, наверное, задел во сне.

Рик пристально посмотрел на нее, затем приподнялся и вырвал пачку у нее из рук. Она вздрогнула и непроизвольно закрыла лицо руками. Он схватил ее за запястье, и на секунду их глаза встретились. Тина зажмурилась, стараясь побороть слезы.

Она отчетливо помнила, как Рик ударил ее в первый раз, словно это было вчера. От одного воспоминания щека начинала гореть. Это была не просто физическая боль, а осознание суровой реальности, что все уже никогда не будет прежним. Это случилось во время их первой брачной ночи, и от этого становилось еще невыносимее. Все шло идеально. Рик был просто неотразим в своем новом коричневом костюме и кремовой рубашке с шелковым галстуком. Белая гвоздика

в петлице подчеркивала его статус жениха, и Тине казалось, что невозможно любить кого-то сильнее, чем она любит его. Все говорили ей, как она обворожительно прекрасна. Ее длинные черные волосы были собраны в небрежный пучок, в который были вплетены крошечные цветы. Голубые глаза сияли из-под густых накладных ресниц, а лицо светилось естественной красотой, которая делала косметику излишней. После свадьбы была шумная вечеринка в местном недорогом отеле, и счастливая пара протанцевала со своими гостями всю ночь напролет.

Когда они готовились ко сну в гостиничном номере, Тина заметила, что Рик как-то странно притих.

- Ты в порядке, дорогой? - спросила она, обвивая его шею руками. - Чудесный был день, правда? Поверить не могу, что я наконец миссис Крейг.

Тут она резко вскочила:

- Слушай, мне ведь нужно потренироваться писать новую подпись.

Она взяла ручку и лист бумаги с прикроватного столика и старательно вывела «миссис Тина Крейг» с пышными завитушками.

Рик по-прежнему не произнес ни слова, продолжая молча смотреть на нее. Он зажег сигарету и налил себе стакан дешевого шампанского. Залпом выпив его, он подошел к кровати, на которой сидела Тина.

- Встань, - приказал он.

Тон смутил Тину, но она сделала то, о чем ее просили.

Рик поднял руку и резко ударил ее по лицу.

- Не смей делать из меня посмешище, - рявкнул он и бросился вон из комнаты.

Всю ночь он просидел в гостиничном холле в окружении опустошенных стаканов, и лишь спустя несколько дней сказал Тине, чем именно она провинилась. По-видимому, ему не понравилось то, как она танцевала с одним из

его коллег. Она якобы смотрела на него слишком вызывающе и флиртовала с ним на глазах у гостей. Тина не могла вспомнить даже самого парня, не говоря уже о танце, но именно с этого дня в голове у Рика поселилась навязчивая уверенность в том, что его жена готова строить глазки всем мужикам без исключения. Тина часто спрашивала себя, почему не ушла от него в ту же ночь. Но в душе она была романтической натурой и хотела дать своему замужеству шанс. Она была уверена, что подобные выходки больше не повторятся, и Рик развеял все ее сомнения, подарив букет цветов в качестве извинения. Его угрызения и раскаяния казались столь искренними, что Тина тут же простила его без малейших колебаний. Лишь спустя пару дней она заметила среди цветов открытку. Она осторожно вытащила ее, радостно улыбаясь. «С глубокой скорбью любимой бабушке», – прочитала она. Этот мерзавец стащил букет с могилы на кладбище.

И вот, четыре года спустя, они молча смотрели друг другу в глаза. Наконец, Рик отпустил ее руку.

– Спасибо, солнышко. Теперь будь хорошей девочкой и принеси-ка мне чаю.

Тина с облегчением выдохнула и потерла посиневшее запястье. С той самой брачной ночи она поклялась, что не позволит превратить себя в жертву – одну из тех несчастных жен, которых бьют мужья и которые при этом постоянно умудряются оправдывать их скотское поведение. Много раз она грозилась уйти, но в последнюю секунду всегда передумывала. Рик становился таким кротким и несчастным, так глубоко раскаивался и обещал никогда больше не поднимать на нее руку. Но в последнее время он стал пить больше, и его выходки участились. Наконец настал день, когда ее терпению пришел конец.

Главная трудность заключалась в том, что идти ей было некуда. Семьи у нее не было, а что до пары близких друзей – она не хотела навязываться и стеснять их своим присутствием. О том, чтобы Рик добровольно ушел, можно было и не мечтать, хотя за квартиру они платили с ее зарплаты. Поэтому она начала откладывать деньги на побег. Нужно было накопить хотя бы на месячную аренду и залог, и тогда она смогла бы вырваться на свободу. В реальности, однако, это оказалось не так-то просто – у нее редко оставались хоть какие-то лишние деньги. Но это не остановило Тину: она твердо решила уйти, сколько бы времени на это ни потребовалось. В глубине кухонного шкафа она хранила старую банку из-под кофе, в которой потихоньку набралось больше пятидесяти фунтов. Но

аренда даже самой простой комнатухи стоила восемь фунтов в неделю, плюс залог фунтов тридцать, а значит, нужно было гораздо больше денег, чтобы отважиться на побег. Пока же она старалась поменьше попадаться Рику на глаза и по возможности не злить его.

Зажав под мышкой «Спортинг лайф», она поднялась наверх с кружкой чая.

– Вот и чай, – сказала она, стараясь придать голосу напускную беззаботность.

Ответа не последовало. Оперевшись на подушку, Рик снова задремал. Из открытого рта торчала сигарета, опасно балансируя на сухой растрескавшейся губе. Тина вынула окурочек и затушила его.

– Господи, ты нас обоих убьешь когда-нибудь, – пробурчала она себе под нос.

Поставив чашку на стол, она задумалась, как лучше поступить. Разбудить мужа и навлечь на себя его похмельный гнев? Или просто оставить чашку на столике? Когда он проснется, чай, без сомнения, успеет покрыться ледяной корочкой, что, опять-таки, приведет его в бешенство, но к тому времени она уже будет в магазине в полной безопасности. Ничего решить Тина так и не успела: Рик зашевелился и продрал глаза.

– Я принесла тебе чая, – сказала она. – Я собираюсь в магазин. Ты тут справишься?

Рик приподнялся на локтях.

– Во рту пересохло, как у верблюда, – прохрипел он. – Спасибо за чай, солнышко.

Он похлопал по одеялу, приглашая ее сесть.

– Присядь ко мне.

Таким был Рик: в мгновение ока он превращался из низкого злобного мерзавца в ангелочка из церковного хора.

– Прости, что накричал из-за сигарет. Ты же знаешь, я бы пальцем тебя не тронул.

В это Тина могла поверить с большим трудом, но спорить с Риком в любом случае было плохой идеей, так что она чуть заметно кивнула.

– Слушай, – продолжил он. – Можешь сделать кое-что?

Она молча вздохнула и закатила глаза к потолку. «Начинается».

– Можешь сделать за меня ставку?

На этот раз Тина не выдержала:

– Рик, ты уверен, что это хорошая идея? Ты же знаешь, как туго у нас с деньгами. Я одна зарабатываю. Ну какие тут скачки?

– «Я одна зарабатываю», – передразнил Рик. – Никогда не упустишь возможности мне об этом напомнить, самодовольная корова!

Столь злобный выпад испугал Тину, но Рик вернулся к сути дела:

– Сегодня же «Гранд Нэшнл», черт подери! Сегодня все ставят.

Он нагнулся, подобрал с пола брюки и вынул из кармана свернутую пачку купюр.

– Тут полтинник, – сказал он, оторвал крышку от пачки сигарет и написал на ней кличку лошади. – Наш счастливый полтинник.

Он протянул ей деньги и кусок картона. Тина в полном остолбенении уставилась на него.

– Где ты это взял?

– Не твое дело, но раз уж ты спрашиваешь – выиграл на скачках. И кто тут говорил, что это пустая трата времени?

«Лжец».

Тина чувствовала, как в глазах мутнеет, а голова начинает гореть.

– Рик, это больше, чем я зарабатываю за неделю.

– Знаю. Разве я не молодец? – ответил он самодовольно.

Тина сжала руки, словно в молитве, и поднесла их к губам. Стараясь сохранять спокойствие, она сделала глубокий медленный вдох.

– Но этих денег хватило бы, чтобы заплатить за свет или купить еды на целый месяц.

– Боже, Тина! Какая же ты зануда!

Дрожащими руками она развернула пачку веером. Она знала, что физически не способна отдать столько денег букмекеру.

– Ты сам не можешь поставить? – взмолилась она.

– Чертов букмекер сидит у тебя за соседней дверью. Тебе что – порог переступить трудно?

Глаза начинало пощипывать от слез, но Тина знала, как ей поступить. Она заберет деньги и посоветуется с Грэмом. Как-то раз она уже так делала – взяла у Рика деньги, но ставить не стала. Лошадь, конечно же, проиграла, и он ни о чем не догадался. Хотя за этот забег Тина постарела лет на десять, а в этот раз будет еще хуже. Ставка слишком высока. «Боже, пятьдесят фунтов».

Внезапно ее охватила необъяснимая паника. Поднимаясь от самых пяток, она подступила к горлу, и Тине стало тяжело дышать. Она попятилась из спальни, бормоча что-то невнятное про невыключенную духовку, и бросилась на кухню. Забравшись на стул, она пошарила рукой в глубине шкафа в поисках кофейной банки со сбережениями на побег. Нашупав пальцами знакомую форму, она вытащила банку и прижала к груди. Руки тряслись, и крышка никак не

поддавалась. Вспотевшие ладони проскальзывали, и Тина схватила кухонное полотенце. Наконец крышка отвинтилась, и Тина заглянула внутрь. Внутри было пусто, не считая пары медяков. Тина встряхнула банку и заглянула еще раз, словно надеясь, что глаза подвели ее.

- Ублюдок! - заорала она. - Чертов ублюдок!

Она зарыдала, судорожно вздрагивая всем телом.

- Ты что, думала меня облапошить?

Тина вскочила и обернулась. В дверном проеме, с очередной сигаретой в зубах, стоял Рик в заляпанной полинявшей футболке и грязных трусах.

- Это ты взял! Как ты мог! Я работала в две смены, чтобы их скопить, откладывала несколько месяцев.

Она рухнула на пол и начала качаться взад-вперед, по-прежнему прижимая к груди пустую банку. Рик подошел и, резко дернув за руку, поднял ее на ноги.

- Хватит истерить. Чего ты ждала? Прячешь деньги от собственного мужа! На что ты копила?

«Чтобы отделаться от тебя, пьяное ничтожество».

- Это был... сюрприз. Небольшое путешествие. Я подумала, нам обоим не помешало бы немного развеяться.

Рик задумался на секунду, затем отпустил ее руку, все еще недоверчиво хмурясь:

- Хорошая мысль. Знаешь что - когда эта лошадь прискачет к финишу, мы устроим себе выходные так выходные! Может, даже махнем за границу!

Тина кивнула, жалко всхлипывая, и вытерла глаза.

– Иди приведи себя в порядок, на работу опоздаешь. Я обратно в кровать – измотала ты меня.

Он чмокнул ее в макушку и направился вверх по лестнице.

Тина застыла посреди кухни. Она в жизни не чувствовала такого безысходного отчаяния, но одно она знала точно – она не будет ставить эти деньги. Это были ее пятьдесят фунтов, и она не собиралась спускать их на скачках – хоть на «Гранд Нэшнл», хоть на каких еще. Она запихнула деньги в сумочку и мельком взглянула на кличку, которую Рик накорябал на обрывке сигаретной пачки. «Красный Ром».

«Только подумай выиграть, засранец».

Тина подошла к магазину и начала рыться в сумочке в поисках ключей. На пороге стоял мешок со старой одеждой – прямо под табличкой, которая просила этого не делать. Хотя Тина не могла вообразить, чтобы кто-то стащил вещи, пожертвованные на благотворительность, такое уже несколько раз случалось. Даже в эти тяжелые времена, когда весь город бастовал и в домах то и дело отключали электричество, Тина не переставала удивляться, как низко могут пасть люди. Она перекинула сумку через плечо и открыла дверь. Проработав здесь два года, она по-прежнему морщилась всякий раз, когда заходила внутрь. У старой одежды был свой особый запах – один и тот же во всех благотворительных магазинах и на всех блошиных рынках. Она пахла нафталином, затхлым потом и печеньями.

Тина второй раз за утро поставила чайник и развязала подброшенный мешок. Она вытащила из него старый костюм и оценивающе окинула взглядом. Костюм был старый, но сшит на редкость хорошо – такого качества Тина никогда не видела. Он был необычного зеленоватого цвета в тонкую золотистую полоску, из чистой шерсти.

Зазвенел дверной колокольчик, и Тина отложила находку в сторону.

– Славный костюмчик. А цвет-то какой! Неудивительно, что хозяин от него избавился!

Это был Грэм из букмекерской конторы.

– Привет. Не думала, что у тебя сегодня найдется время трепаться попусту, – поддразнила Тина.

– Да уж, самый занятой день в году. Но я не жалею, – ответил он, потирая руки. – Найджел открывает, так что у меня есть пара минут.

Тина обняла его.

– Рада, что ты зашел.

– Ну, как ты сегодня?

Вопрос не был праздным. Грэм прекрасно знал о всех нюансах ее семейной жизни – ему не раз доводилось видеть ее синяки и разбитые губы. И он всегда был так добр. Тина слегка пошатнулась. Грэм подхватил ее под локоть и усадил на стул.

– Чего он натворил на этот раз? – спросил он, приподнимая ее лицо за подбородок и внимательно его разглядывая.

– Иногда я правда его ненавижу, Грэм.

Он притянул ее к себе и ласково погладил по голове.

– Тина, ты заслуживаешь гораздо большего. Тебе двадцать восемь. У тебя должен быть любящий муж, пара ребятишек...

Она отстранилась от него, вытирая измазанные тушью глаза.

– Вот ты мне сейчас очень помог...

– Извини, – ответил Грэм, снова приглаживая ее волосы. – Расскажи, что случилось.

– У тебя нет на это времени, уж точно не сегодня.

Но Тина знала, что у Грэма всегда найдется для нее время. Он был безнадежно влюблен в нее с их самой первой встречи. Тина тоже его любила – как близкого друга, иногда заменявшего ей отца. Он был на двадцать лет старше ее, у него была жена, и Тина была не из тех, кто крадет чужих мужей.

– Он хочет, чтобы я сделала ставку, – всхлипнула она, и Грэм протянул ей накрахмаленный до хруста платок.

– Тоже мне новость. Он один из моих лучших клиентов, а сегодня «Гранд Нэшнл».

– Он так и сказал. Но речь о пятидесяти фунтах, Грэм.

Даже Грэм присвистнул.

– Откуда он взял столько денег?

– Украл у меня, – всхлипнула она снова.

Грэм посмотрел на нее с явным недоумением.

– У тебя? Ничего не понимаю.

– Я откладывала деньги, копила на по... – она запнулась, решив, что сейчас не стоит говорить Грэму о своих планах. Он и раньше предлагал ей деньги, но она отказалась. Какая-то гордость и чувство собственного достоинства у нее все-таки остались. – Неважно, на что. Суть в том, что это мои деньги, и он хочет, чтобы я поставила их на какую-то лошадь на «Гранд Нэшнл».

От возмущения голос Тины звучал все громче, словно она сама не могла поверить в то, что говорит.

Грэм не знал, что ответить. Первым в нем заговорил букмекер:

- На какую лошадь?

Тина покосилась на него, не веря своим ушам.

- Это что - важно? Я не буду ставить.

- Извини, Тина. Просто интересно, - помедлил он. - А что, если она победит?

- Не победит.

- Как ее зовут? - настаивал Грэм.

Вздыхнув, Тина выудила из сумочки обрывок сигаретной пачки и протянула Грэму. Он взглянул на клочок бумаги и наморщил лоб.

- Красный Ром... - медленно кивнул он. - По правде говоря, Тина, шанс у него есть. Это его первый «Гранд Нэшнл», но он вполне может стать фаворитом. Есть еще, правда, эта здоровенная австралийская кобыла Хруст. Думаю, эта тоже может оказаться среди первых, - он положил руку Тине на плечи. - Шанс у него есть, Тина, но на скачках гарантий тебе никто не даст.

Она прильнула к его груди, наслаждаясь теплом заботливых рук.

- Грэм, я не буду ставить, - сказала она спокойно.

По стальным ноткам в ее голосе он понял, что спорить бесполезно.

- Это твой выбор, Тина. Но что бы ни случилось, я буду рядом.

Она улыбнулась и поцеловала его в щеку.

- Ты славный парень, Грэм. Спасибо.

Он посмотрел в сторону, слегка смутившись.

– Знаешь, – радостно продолжил он, – чего только ни бывает. Как знать, вдруг ты найдешь пятидесятифунтовую купюру в кармане этой зеленой ветоши.

Тина ухмыльнулась:

– Разве такие купюры бывают? Ни разу не встречала.

Грэм натужно рассмеялся.

– Ладно, мне пора. Найджел уже, наверное, меня потерял.

– Конечно, иди. Не буду тебя задерживать. Во сколько начало?

– В три пятнадцать.

Тина взглянула на часы. Оставалось пережить всего шесть часов.

– Дай знать, если передумаешь насчет ставки.

– Не передумаю, но спасибо.

Когда Грэм ушел, Тина вернулась к подброшенному мешку с одеждой. Она снова вытащила пиджак от зеленого костюма и, вспомнив слова Грэма, засунула руку во внутренний карман. Она тут же почувствовала себя немного глуповато, но вдруг ее пальцы нащупали что-то шершавое, похожее на бумагу, и сердце на секунду ёкнуло. Тина осторожно вытащила находку. Это была не пятидесятифунтовая купюра, а старый пожелтевший конверт.

Глава 2

Тина разгладила бежевый конверт и с любопытством начала его разглядывать. Она поднесла его к носу и вдохнула заплесневелый запах старой бумаги. Письмо было адресовано мисс К. Скиннер, Вуд-Гарденс, дом 33, Манчестер. В углу была

приклеена незнакомая марка: на ней была изображена не королева Елизавета II, как обычно, а некий мужчина – как предположила Тина, король Джордж VI. Она перевернула конверт и заметила, что он по-прежнему запечатан. Снова взглянув на марку, Тина с удивлением обнаружила, что она не погашена. По какой-то неведомой причине письмо так и не было отправлено. Открыть его – значило совать нос в чужую жизнь, но просто выбросить его Тина не смогла. Колокольчик зазвенел снова, заставив Тину подскочить на месте. Покраснев не пойми от чего, она засунула конверт в сумочку и пошла встречать своего первого клиента.

– Доброе утро, миссис Гринсайд.

– Доброе утро, Тиночка. Я вот, как всегда, пришла поглазеть, что у вас тут новенького.

Тина покосилась на подброшенный мешок и осторожно задвинула его ногой за прилавок.

– Э-э-э, может, завтра будет. Нужно кое-что разобраться.

Перед тем как вывешивать одежду на продажу, она хотела как следует изучить содержимое мешка – может, найдется какая-нибудь зацепка, которая подскажет, откуда этот мешок взялся.

Бесперебойная череда утренних клиентов отвлекала Тину от мыслей о предстоящих скачках, но в три часа она включила в подсобке черно-белый телевизор. Лошади подходили к месту старта, и Тина искала глазами ту, от которой зависела ее судьба. Скакуна легко было узнать по большому пушистому нахрапнику, а наездника – по гигантскому шестиграннику на груди. Если верить комментатору, шестигранник был желтый. Лошади выстроились у стартовой линии, пританцовывая на месте от нетерпения. Наконец, ровно в три пятнадцать, флажок взлетел вверх и комментатор заорал: «Пошли!»

Застыв перед экраном, Тина смотрела, как они приближаются к первому барьеру. Пока комментатор ни разу даже не упомянул его кличку. Одна лошадь упала, и Тина отчаянно надеялась, что это он. Но нет, Красный Ром скакал дальше. Еще одно падение на втором барьере, но он преодолел и это препятствие, хотя заметно отставал от других. Она представила, как Рик сейчас орет перед телевизором, подгоняя коня, как он сидит верхом на стуле, словно

жокей, с бутылкой пива в одной руке и сигаретой в другой. Наверняка он даже не одет. Когда лошади на первом круге приближались к барьеру «Бечерс», она закрыла глаза руками. Тина мало что понимала в скачках, но даже она знала, что это препятствие считается крайне опасным, и за годы проведения «Гранд Нэшнл» на нем споткнулась не одна лошадь. В ушах у нее раздавались слова комментатора Джулиана Уилсона:

«“Бечерс” преодолевают: Серое Сомбреро – первый, за ним Крисп, Черный Секрет – третий, Каприз – четвертый, пятым идет Санни Лэд, шестой – Осенний Пурпур, седьмой – Грош, и он падает. Грош падает на “Бечерс”».

Тина выдохнула. Перед глазами у нее пошли круги – она и не заметила, что не дышала все это время. Красный Ром даже не удостоился упоминания, так что она могла немного расслабиться. Рик не сумел бы угадать победителя, даже если бы в забеге участвовала одна-единственная лошадь.

Дверь магазина открылась, и, мысленно чертыхаясь, Тина пошла встречать очередного посетителя. К ее большой досаде, это была почтенная миссис Бутман. Пожилая дама часто заходила поболтать и могла сидеть в магазине часами. В любой другой день Тина была бы совершенно не против, но только не сегодня. После смерти мужа миссис Бутман жила в полном одиночестве. У нее было два сына, но они навевались нечасто, так что минуты, проведенные с Тиной за чашкой чая, были лучшим, что случалось в ее жизни за неделю.

– Здравствуйте, миссис Бутман. Я тут немного занята, но скоро освобожусь. Вы пока осмотритесь как следует.

На лице миссис Бутман отразилось недоумение, и Тина знала почему. Осматриваться ей было незачем. За все ее визиты в магазин она не купила ни одной вещи.

– Конечно, дорогая. Я просто посижу вот здесь, пока ты не закончишь.

Она пододвинула стул и водрузила сумку на прилавок.

– Там что, телевизор у тебя?

- Эм-м, да, - виновато призналась Тина. - Я краем глаза смотрела «Гранд Нэшнл».

Ответ явно удивил миссис Бутман.

- Не знала, что тебя интересуют скачки.

- Нет-нет, я просто...

- Ты сделала ставку? - прервала пожилая дама.

- Нет! Боже, конечно, нет! - выпалила Тина, удивляясь, как так вышло, что ей уже приходится оправдываться перед миссис Бутман.

- Я в жизни не играла в азартные игры, - продолжала старая леди. - Мой Джек всегда говорил, что это для дураков. К чему выбрасывать кровные деньги на ветер?

- Я ничего не ставила, миссис Бутман, - терпеливо ответила Тина. - Мне просто интересно, вот и все.

Она стояла в дверном проеме между магазином и подсобкой, так что ей по-прежнему было слышно телевизор. Теперь комментировал Питер О'Салливан.

«Крисп впереди, но Красный Ром уверенно нагоняет».

Он шел вторым! Как, черт возьми, это могло случиться? У Тины перехватило дыхание, словно ее ударили в грудь.

- Тина, ты в порядке? Что-то у тебя вид неважный.

- В п-порядке.

- Ты не поверишь, что случилось, - прошептала заговорщицки миссис Бутман. - Та девица из девятого дома, как ее?

– Трудн, – ответила Тина рассеяннo, напряженнo вслушиваясь в слова комментатора.

– Да, точно. Так вот, эту голодранку поймали с поличным в супермаркете.

Она скрестила руки под пышной грудью и поджала губы, ожидая реакции Тины.

– Неужели?

– И это все, что ты можешь сказать? – воскликнула миссис Бутман, явно разочарованная тем, что ее сочную сплетню восприняли с таким безразличием.

Тина проигнорировала возмущение пожилой дамы и сосредоточилась на том, что говорил Питер О’Салливан:

«Крисп по-прежнему проходит чисто. На “Гранд Нэшнл” 1973-го ему остается взять всего два препятствия. Он идет с весом двенадцать стоунов, а Красный Ром преследует его с весом чуть больше десяти стоунов. Кажется, эти два скакуна и решат исход сегодняшних скачек. Крисп чисто проходит предпоследнее препятствие и увеличивает разрыв. Красный Ром остается далеко позади».

Тина вцепилась в дверной проем и едва дышала.

– Ты точно в порядке, Тина?

Из подсобки продолжал раздаваться голос Питера О’Салливана:

«Мы приближаемся к последнему препятствию “Гранд Нэшнл”, Крисп по-прежнему демонстрирует превосходную технику. Он легко берет препятствие. Красный Ром проигрывает порядка пятнадцати корпусов. Крисп на повороте, ему остается пройти около двухсот тридцати метров».

Тина не сомневалась, что приняла верное решение и не стала ставить. Красный Ром выглядел загнанным, к тому же так сильно отставал. Она немного приободрилась.

– Да, я в порядке. А не выпить ли нам чайку?

Воспользовавшись удобным предлогом, Тина шмыгнула в подсобку, где стоял телевизор. Она поставила чайник и достала две чашки с блюдечками. И тут она застыла перед экраном. Интонация Питера О’Салливана изменилась:

«Крисп начинает терять концентрацию. Он слишком долго шел один, и вот Красный Ром начинает догонять его. Криспу остается продержаться меньше двухсот метров до финиша, но Красный Ром уверенно настигает его».

Чашки зазвенели на блюдечках, а Тина, не веря своим глазам, в ужасе уставилась в телевизор.

– Нет! Нет! – осипшим голосом прошептала она. – Боже, только не это.

«Крисп заметно устал, и Красный Ром стремительно нагоняет его. Красный Ром оказывается сильнее на финише. И он вот-вот выигрывает “Гранд Нэшнл”. На финишной черте Красный Ром вырывает победу у Криспа, Красный Ром победитель!»

Тина побелела как полотно и рухнула на колени, почувствовав, как в животе все перевернулось. Чашки разлетелись на тысячу осколков. В висках стучала кровь. Зажав голову руками, Тина дрожала, как загнанная дворовая собака. Из глаз брызнули слезы и потекли по щекам жгучими струйками – ровно в этот момент в кладовую без приглашения вошла миссис Бутман.

– Да что тут происходит? Ты все-таки поставила, да? – всплеснула она руками. – Ну, что я тебе говорила? Ничего хорошего от азартных игр не жди. Мой Джек всегда...

– Миссис Бутман, пожалуйста, мне нужно побыть одной.

Она бесцеремонно выпроводила пожилую даму из подсобки на улицу. Миссис Бутман не успела вымолвить ни слова, как Тина захлопнула дверь у нее перед носом, заперла задвижку и перевернула табличку надписью: «Закрето». Она прижалась лбом к холодному стеклу, чувствуя подступающую тошноту и горький вкус желчи во рту. Она сглотнула слюну и потерла лицо руками. В полном

отчаянии Тина побрела обратно в кладовую и выключила свет. Ей нужно было подумать, что делать дальше. Рик ждет ее дома с несметной кучей денег. Она даже не знала размер ставки – не думала, что пригодится, и вот на тебе. На этот раз ей это точно с рук не сойдет.

Тина не знала, как долго она просидела в темноте, пока стук в дверь не вывел ее из оцепенения. Она с ужасом подумала, что это Рик.

– Мы закрыты, – ответила она хриплым голосом.

– Тина! Это Грэм. Впусти меня.

«Только этого не хватало», – подумала она. Грэм со своим сочувствием и участием сейчас точно ее добьет.

Она поднялась на ноги и отперла дверь.

– Извини, что не пришел быстрее. Сегодня просто безумие творится.

– Все нормально, Грэм.

Он посмотрел на ее заплаканное лицо.

– Так ты все-таки смотрела?

– Он убьет меня, – просто ответила она. – То есть я правда думаю, он убьет меня.

Грэм порылся в кармане и вытащил оттуда пачку денег.

– Что это?

– Четыреста пятьдесят фунтов. Держи, – он положил деньги ей в руку.

– Я не понимаю.

- Тшш, - Грэм приложил палец к ее губам. - Я поставил за тебя.

- Ты? - недоверчиво покосилась Тина. - Ты же букмекер, Грэм, ты не можешь держать пари с самим собой.

Тину обмануть было не так-то просто.

- Знаю. Я послал Найджела в «Лэндброкс».

Тина чувствовала, как у нее задрожал подбородок.

- Правда?

- У меня было предчувствие насчет этой лошади. Я не мог рисковать - ставки были слишком высоки. На него ставили один к девяти.

- Но он чуть было не проиграл, Грэм.

Он пожал плечами.

- Слушай, у тебя есть четыреста пятьдесят фунтов, чтобы отдать его светлости, и у тебя по-прежнему есть твои пятьдесят фунтов, так что все счастливы.

- Если бы он проиграл, ты ведь никогда не сказал бы мне, верно?

Грэм покачал головой.

- Но он выиграл. Давай не будем гадать, если бы да кабы.

- Грэм, я правда не знаю, что сказать. Возможно, ты и в самом деле только что спас мне жизнь.

- Ну, ну, поменьше драматизма.

Тина взяла в руки лицо Грэма и, притянув к себе, запечатлела поцелуй на его губах.

– Спасибо, – просто сказала она.

Грэм покраснел.

– Не за что, – ответил он и добавил уже чуть серьезней: – Для тебя, Тина, я сделаю что угодно, помни об этом.

– Я этого не забуду, Грэм, – ответила она, засовывая деньги в сумочку. – Я лучше пойду, он будет ждать. По крайней мере, хоть раз он будет в хорошем настроении.

Глава 3

Тина вставила ключ в замочную скважину. Голова горела, во рту пересохло, а руки тряслись так сильно, что она с трудом повернула ключ. В темной прихожей было слышно телевизор. Дики Дэвис как раз заканчивал передачу «Мир спорта», и Рик наверняка валялся на диване – может, спал, и, без сомнения, был пьян. Она заглянула в гостиную, но там было пусто.

– Рик, я дома!

– Я наверху, – донесся ответ.

Она порылась в сумочке и вытащила пачку банкнот, поднимаясь по лестнице.

– В ванной, – раздался его голос.

Тина толкнула дверь и ахнула. Рик набрал полную ванну горячей воды с воздушной пеной. Он даже зажег пару свечей. Капельки стекали по запотевшим окнам, и плотный пар застил всю комнату.

Рик нагнулся над ванной и поводил рукой по пенным пузырям.

– Я подключил воду, – пояснил он.

– Подключил воду? Но счета...

Рик приложил палец к ее губам.

– У тебя ничего для меня нет?

Тина протянула ему деньги.

– Я оставила себе пятьдесят фунтов, если ты, конечно, не против, – голос ее звучал смелее, чем она чувствовала себя на самом деле.

Рик проигнорировал ее дерзкий тон и прижал купюры к носу. Он сделал глубокий вдох, наслаждаясь чернильным запахом денег, и засунул их в задний карман.

– Теперь все будет по-другому, Тина, я обещаю. Посмотри на меня.

Тина должна была признать, что он действительно преобразился. Он был одет, чего давно не случалось по вечерам в субботу, чисто выбрит и от души наодеколонен «Олд Спайсом». Возможно, он даже вымыл голову – Тина не была уверена. Вокруг него витал легкий аромат не выветрившегося алкоголя, но он, казалось, был трезв.

– Я сегодня утром вел себя как свинья. Тина, я понимаю. Ты сможешь меня простить? Мне так жаль.

Он притянул ее к себе и зарылся лицом в ее длинные черные волосы. Тина стояла не шелохнувшись. Они уже столько раз через это проходили. Он вел себя как последний ублюдок, она расстраивалась, потом его начинали мучить угрызения совести, и он молил о прощении. Она слегка его оттолкнула.

– Тебе нужна помощь, Рик. С алкоголем.

– Все в порядке, Тина. Я могу бросить когда захочу. Смотри – вот сейчас я не пил.

Тина вздохнула и кивнула на ванну.

- Это для меня?

- Конечно! Давай я тебе помогу.

Он стянул кофту с ее плеч и уронил на пол, затем медленно расстегнул рубашку и, сбросив ее вслед за кофтой, начал целовать ее шею. Тина зажмурилась. Рик мягко прижал ее к стене и с жадностью поцеловал в губы.

- Вода остывает, - сказала она, выскользывая из его объятий.

Рик постарался скрыть свое разочарование.

- Хорошо, солнышко, прости. Слушай, ты тут отмокай, а я сделаю чай.

Тина с подозрением покосилась на него.

- Что? Да, я умею делать чай. Клянусь, Тина, я изменился. Этот выигрыш - ровно то, что нам было нужно, чтобы начать новую жизнь.

Слова звучали так убедительно, и, если бы Тина уже не слышала их сотни раз, она бы купилась. Рик умел мастерски манипулировать женщинами - этот навык он освоил с самых юных лет, и Тина знала, кого винить.

Ричард Крейг был ребенком военного, единственным сыном Джорджа и Молли Крейг. Пока его отец сражался за родину, мать забрала его в деревню к сестре, где он был в безопасности. Мать и бездетная тетка души не чаяли в маленьком Рики и обеспечили ему совершенно идиллическое детство. Они исполняли любой его каприз, поэтому для трехлетнего мальчика стало потрясением, когда однажды ему отказались покупать деревянный паровоз, который он увидел в витрине магазина игрушек.

- Это очень дорого, сладкий, - пыталась убедить его мать.

- Хочу! – требовал Рики.

- Может, купим его на твой день рождения?

- Хочу сейчас! – нахмурился Рики, сложив руки на груди.

В разговор вмешалась тетя:

- Но это всего через пару месяцев, ждать не так уж долго.

Рики ничего не ответил. Он пристально посмотрел на беспомощных женщин, сделал глубокий вдох и задержал дыхание.

- Что ты делаешь? – спросила мать.

Рики проигнорировал вопрос и закрыл глаза. Женщины с ужасом смотрели, как его лицо становится пунцовым, а губы постепенно синеют. В следующую секунду он упал в обморок.

- Сделай что-нибудь! – завопила мать.

Тетя схватила деревянный поезд и начала трясти его перед носом ошарашенной продавщицы:

- Мы берем это!

Когда через пару минут Рики очнулся, первое, что он увидел перед глазами, был деревянный паровозик. Он ухмыльнулся, зная, что с этого момента мог вить из мамы с тетей веревки.

Когда ему было пять, война закончилась, и отец вернулся домой. Рик пошел в школу и, как и следовало ожидать, невлюбил ее с первого дня. У него были проблемы с дисциплиной, и он сменил несколько заведений, пока в пятнадцать не бросил учебу совсем. Тогда он пошел работать кондуктором автобуса, а чуть позже выучился на водителя. Жгучий брюнет со смуглой кожей не испытывал недостатка в женском внимании и был на короткой ноге со всеми пассажирами, особенно с женщинами. Помимо женщин, его интересовали лишь лошади и

собаки. Каждую неделю в субботу утром они с отцом шли в букмекерскую контору, после чего заходили в паб выпить пинту-другую. По четвергам они всегда проводили вечер на стадионе «Бель-Вю» на собачьих гонках. Это монотонное существование было нарушено в тот день, когда в его автобус села Тина. Их глаза встретились, и оба задержали взгляд на секунду дольше, чем стоило. Рик позже часто говорил ей, что с той самой минуты он твердо знал, что добьется ее любой ценой и никогда не отпустит.

После ванны Тина почувствовала себя чуть лучше. Этот день опустошил ее физически и морально. Тяжелые веки налились, точно свинец, а кости ломило от усталости. Она слышала, как на кухне шкварчит картошка – не бог весть какой кулинарный изыск, но, по крайней мере, Рик старался. Когда она зашла на кухню, он жарил яичницу.

– Садись, солнышко, – сказал он, пододвигая стул. – Скоро будет готово. Я открыл банку персиков на десерт. Можем съесть со сгущенкой.

– Чудесно, спасибо.

– Как прошел день в магазине? Тебе удалось посмотреть скачки?

– Ну-у... Я видела кусочек краем глаза.

– Охренеть можно, а? Я уж думал, продул, а он взял и всех сделал в конце. Спорю, Грэм был не в восторге. Мне прямо в кайф, когда удается облапошить букмекера.

– Ну, благодаря тебе он за годы скопил целое состояние.

– Тина, не начинай...

– Я и не начинала.

– Мы сегодня сорвали джек-пот. Я на автобусах-то зарабатывал только три штуки в год. Нам надо отпраздновать. Ты тут подежурь у плиты, а я сгоняю к Мэнни за шампанским.

– Шампанским? Рик, ты забыл, где ты живешь? Сомневаюсь, чтобы Мэнни вообще его закупала – спрос тут невелик.

Рик помялся и провел рукой по волосам.

– Ну, тогда, сидра – «Помань» или «Бэбичем», как он там называется...

– Рик, не нужно. Я не большой любитель алкоголя, а ты завязал, помнишь?

Он секунду помедлил.

– Когда я говорил, что бросил, я не имел в виду совсем. Я все-таки могу пропустить рюмочку в честь особого случая. А уж куда особенней, чем сегодня.

– Ты алкоголик, Рик. Ты не можешь пропустить рюмочку.

– Да ты у нас знаток!

– Вообще-то, да. Жизнь с тобой сделала меня экспертом по алкоголизму.

– Хватит повторять это слово. Кто ты такая, чтобы объявлять меня алко... В общем, одним из них, – возмутился он, натягивая куртку. – Я вернусь через пять минут.

Тина покачала головой. Он никогда не изменится. Он даже был не способен произнести это слово вслух, не то что обратиться за профессиональной помощью. И если она ничего не сделает, он утащит ее на дно за собой.

Первые шаги Тины в жизни были гораздо более многообещающими, и от этого ситуация, в которой она оказалась сейчас, угнетала еще сильнее. Тина была единственным ребенком, прекрасно училась в школе, затем перешла в гимназию. Результаты ее выпускных экзаменов были одними из лучших за всю историю школы, поэтому и она, и директриса считали, что следующим шагом будет университетское образование. Тина хотела изучать английскую литературу и стать журналистом. Судьба, однако, распорядилась иначе. Ее отец,

Джек Мэйнард, внезапно умер в возрасте сорока пяти лет, и, несмотря на протесты школьных учителей и матери, Тина без колебаний оставила школу и нашла работу в небольшой страховой конторе, чтобы поддерживать семью. Ее обязанности не требовали никаких особых навыков, и зарплата была соответствующей, но Тина пошла на вечерние курсы машинописи и стенографии. Ее трудолюбие и упорство принесли свои плоды: Тина быстро поднималась по карьерной лестнице и вскоре стала лучшей стенографисткой в компании. Но работа была монотонной и к вечеру успевала страшно наскучить Тине. Лучшим моментом за день была поездка домой. Водитель автобуса № 192 был ужасно симпатичным и всегда ей весело подмигивал. Однажды он набрался смелости и пригласил ее в кафе, с тех пор они стали неразлучны. Тине пришлось распрощаться со своими мечтами о карьере журналистки, но Ричард Крейг был более чем достойной компенсацией.

Они перебрались в гостиную, где Рик заблаговременно включил электрический камин – без центрального отопления в доме всегда было холодно. Рик допивал третий бокал дешевого шампанского, и его речь становилась все менее связной. Беда была в том, что он никогда не успевал полностью протрезветь, и ему хватало одного стакана, чтобы захмелеть снова. Тина все еще потягивала первый бокал. Вкус шампанского ей не нравился, к тому же от него болела голова.

Рик развалился на диване перед телевизором и смотрел «Игру поколений».

– Тоже мне призы! Ты вообще видела такое? Набор для фондю – что это за хрень вообще?

– Это небольшая кастрюлька, в которой подогревают сырный соус, а в него макают кусочки хлеба.

– Гадость какая.

– Ну, это блюдо для гурманов.

Рик похлопал по дивану:

- Выключай-ка этот бред и садись ко мне.

Тина поставила стакан и подошла к дивану.

- Там шампусика больше не осталось? - спросил он.

- Чуть-чуть, но тебе не кажется, что...

- Мне уже хватит? Нет, не кажется. Я в норме, Тина, не нуди, пожалуйста, все испортишь. Иди сюда.

Он притянул ее к себе и попытался поцеловать. Тина машинально сжала губы и напряглась всем телом.

- Что теперь не так? - спросил Рик.

- Ничего, - легонько оттолкнула она его. - Давай я налью тебе еще.

Он крепко схватил ее за запястье.

- Это подождет.

Рик резко толкнул Тину на диван и, навалившись сверху, засунул ей в рот язык, отчего Тину чуть не стошнило. Она просила перестать, но Рик был сильнее, и, несмотря на сопротивление, он без труда сорвал с нее штаны и раздвинул ноги.

- Рик, погоди, - просила она, пытаясь выиграть время. - Давай пойдём наверх, там удобней.

Он с силой ударил ее по лицу.

- За дурака меня держишь? Заткнись и получай удовольствие, корова фригидная.

Тина повернула голову вбок и закрыла глаза. Он не в первый раз насиловал ее, но она поклялась, что этот раз станет последним. Она терпела слишком долго.

Она уйдет – на кону была ее жизнь.

Больше всего Тина ненавидела воскресенья и всегда искала повод улизнуть из дома. Рик всю ночь проспал на диване, потому что был слишком пьян, чтобы преодолеть лестницу, чему Тина была рада. Она сидела на кухне и грела руки о чашку с чаем, обводя взглядом царивший вокруг беспорядок. Вся кухня пропахла горелым жиром, в тазу с ледяной водой со вчерашнего вечера мокла сковородка. В дверном проеме показался Рик с заспанной припухшей физиономией и взъерошенными волосами. Он по-прежнему был во вчерашней одежде.

– Где сигареты? – прохрипел он сиплым голосом и откашлялся, постучав себя по груди.

Тина с отвращением поморщилась:

– И тебе доброе утро. Спасибо, я в порядке. Как сам?

– Чего? – отупело просипел он. – А, это ты из-за вчерашнего, что ли?

Тина швырнула ему пачку сигарет.

– Держи.

Он придвинул стул и сел за стол.

– Чай мне полагается?

Тина кивнула:

– Чайник вон там.

Рик глубоко затянулся и выдохнул дым.

– Ты права. Я полная свинья, и ты заслуживаешь лучшего. А теперь, пожалуйста, сделай мне чаю.

- Наконец-то дошло.

- Знаешь, нечего винить меня одного, - защищался Рик, - ты тут тоже виновата.

Тина поставила чашку и покачала головой.

- И в чем же здесь моя вина? Я говорила тебе вчера не покупать шампанского - ты же обещал больше не пить, но разве ты станешь меня слушать. Пара бокалов никому не навредит, особый случай, бла-бла-бла...

Рик выпустил клубы серого дыма ей в лицо.

- А я помню, как ты меня вчера уговаривала не ставить - ну, и кто оказался прав?

- Это были мои деньги, - спокойно ответила Тина.

- Что твое - то мое, мы с тобой партнеры.

- Прекрасно, тогда отдай мне половину выигрыша.

Рик усмехнулся.

- Нет уж, это мои деньги. Ты же не одобряешь азартные игры, забыла?

Спорить с ним было невозможно, у Тины просто не осталось на это сил. Следующие слова прозвучали смелее, чем она сама ожидала.

- Я ухожу от тебя.

Рик поперхнулся, словно его ударили в грудь. Он схватил ее за руку.

- Черт, Тина. Да, я вчера немного увлекся, знаю. Но зачем так горячиться! Я люблю тебя, ты же знаешь.

В его голосе звучали знакомые нотки отчаяния. Тина знала: сейчас он скажет и сделает все, что угодно, лишь бы задобрить ее. Все это она проходила не раз.

- Ты так и не понял - я боюсь тебя, Рик. Боюсь, что ты сделаешь со мной в следующую секунду. Мне надоело появляться на работе в синяках и врать, надоело наступать на яичную скорлупу по всему дому, надоело жить в этом ледяном свинарнике и работать за двоих, чтобы платить за квартиру.

- Но...

Тина подняла руку.

- Я не закончила. Ты представляешь, что значит жить в страхе каждый день? Зато я прекрасно знаю! Я одна тащу на себе семью - ты не вкладываешь ни цента. Транжиришь деньги и высасываешь из меня все силы - вот и все.

- Как мило! Я, между прочим, вчера ужин тебе приготовил!

- Яичницу с картошкой пожарил? - усмехнулась Тина. - Если, по-твоему, в этом и заключается роль мужа, ты глубоко заблуждаешься.

Рик тяжело дышал, сжав кулаки, но Тина не унималась. Ей никогда прежде не удавалось набраться духу и дать ему отпор, и она чувствовала небывалый прилив сил.

- Тебе нужна помощь, Рик, и я не могу тебе ее дать.

Он резко вскочил на ноги и, перегнувшись через стол, схватил ее за волосы.

- У тебя кто-то есть, да? Кто он? Я убью его, а потом убью тебя.

Тина смело смотрела ему в глаза.

- Никого нет, Рик. Как ты не можешь понять: я ухожу из-за тебя! Никто в этом не виноват, кроме тебя.

Он разжал руку.

– Тина, ну зачем ты меня выводишь, – сказал он упавшим голосом. – Пожалуйста, не уходи. Ты мне нужна.

Тина сняла с вешалки пальто и подняла чемоданчик.

– Уже собралась? Вот стерва! И как долго ты это планировала?

– Ох, даже не знаю. Может, с того дня, как мне зашивали бровь – после того, как ты врезал мне по лицу.

– Я не виноват, просто кольцо попало...

– Или с того дня, как ты разбил мне кулаком губу, или затушил сигарету о мою руку, с того дня, как ты впервые изнасиловал меня или украл мои деньги, чтобы сделать ставку. С треклятого дня нашей свадьбы! Мне продолжать?

Произнеся все это вслух впервые в жизни, Тина почувствовала, как к ней возвращаются давно погребенные внутренние силы, а вместе с ними – уверенность в том, что она просто обязана покинуть этот дом, иначе ей не сохранить ни рассудок, ни жизнь.

Уверенным шагом Тина направилась в прихожую, решительно распахнула дверь и с высоко поднятой головой переступила порог, ни разу не обернувшись.

– Тина, вернись. Прости меня, – колени Рика подогнулись, и он рухнул на пол.

Тина едва сдерживала шаг, спускаясь по улице. У нее словно выросли крылья, и она была готова бежать и бежать бесконечно. Что ж, вскоре ей и правда придется спасаться бегством, как только Рик обнаружит, что она обчистила его карманы, пока он спал, и забрала весь выигрыш.

Спустя несколько часов Тина стояла на пороге небольшого ухоженного дома и нервно переминалась с ноги на ногу. Дверь открыла роскошная блондинка в полном боевом окрасе, увешанная килограммами золотых украшений.

- Чем могу помочь?

- Вы, должно быть, Шейла. Я Тина.

Она протянула руку, но Шейла не шелохнулась.

- Эм-м... Грэм дома?

- Вы знакомы?

- Да, мы друзья. Я по субботам работаю в магазине рядом с его конторой.

- Кто там, Шейла? - раздался изнутри голос Грэма.

Шейла приоткрыла дверь пошире и пригласила Тину войти.

- Говорит, твоя подруга.

- Тина! - воскликнул Грэм, появившись в прихожей. - Что случилось, милая?

Едва взглянув на обеспокоенное лицо Грэма, полное волнения и заботы, Тина, как всегда, расчувствовалась, и ее голос дрогнул:

- Я ушла от него, Грэм.

- Бог мой! Иди сюда.

Он обнял ее и крепко прижал к себе. Шейла наблюдала за сценой в некотором недоумении.

- Шейла, поставь чайник, пожалуйста, - обернулся к ней Грэм.

Тина взяла себя в руки.

- Не надо, Шейла, я ненадолго. Я просто хотела, чтобы Грэм знал, что произошло. Он всегда был отличным другом, и если бы он мне вчера не помог - я бы никуда не ушла.

- Ты что - забрала его деньги? - недоверчиво спросил Грэм.

Тина натужно улыбнулась:

- До последнего цента. Я нашла небольшую комнатку - буду снимать. Заприметила ее еще пару недель назад, но тогда не хватало денег. Она все еще свободна, так что туда и пойду. Там неплохо, правда! Мебель старовата, а стены такие тонкие, что я слышу, о чем думает парень в соседней комнате, но, по крайней мере, это будет моя собственная комната.

- Он будет тебя искать, - серьезно заметил Грэм.

- Не сомневаюсь. Он знает, где я работаю, так что может наведаться и в магазин, но мне плевать. На людях он и пальцем меня не тронет. Слишком умен для этого.

- Он может проследить, где ты живешь.

- Грэм, слушай, неужели ты думаешь, я всего этого не понимаю? Именно поэтому я так долго и не решалась уйти.

- Извини. Нужна помощь с переездом?

- У меня из вещей - один чемодан, так что перевозить нечего, но все равно спасибо. Слушай, я пойду, у меня еще есть пара дел.

- Как знаешь. Я загляну в магазин в субботу. Береги себя.

Вечером Тина устроилась на диване с чашкой какао и наконец перевела дух. День совершенно измотал ее. Откинув голову на спинку дивана и прикрыв глаза, она мысленно перебирала в памяти события последних лет. Оглядываясь на четыре года своего злополучного замужества, Тина чувствовала странную

пустоту. Она не знала, что готовит ей будущее, и эта неизвестность одновременно пугала и будоражила ее. Она порылась в сумке в поисках платка и, так и не обнаружив его, вытряхнула все содержимое на пол. Поверх кучи барахла лежало письмо, которое она нашла в старом костюме. Чувствуя себя страшно неловко, словно она вторгалась в чужую жизнь, Тина подобрала конверт и осторожно его распечатала, стараясь не помять. Письмо было написано аккуратным, немного детским почерком – словно писавшему нечасто доводилось брать в руки ручку. Тина села, подбрав ноги, и начала читать.

Гилбент-роуд, 180

Манчестер

4 сентября 1939 года

Моя дорогая Кристина,

Как ты знаешь, я плохо умею говорить о таких вещах, но у меня так тяжело на сердце, что я не могу не писать. То, что я вчера сделал, – непростительно, но ты должна знать, что причиной тому – мое глубокое потрясение, и что мое вчерашнее поведение никак не отражает моих чувств к тебе. Последние месяцы были самыми счастливыми в моей жизни. Я знаю, что никогда раньше не говорил тебе этого, но я люблю тебя, Крисси, и хочу провести остаток жизни рядом с тобой, чтобы каждый день доказывать тебе это, если ты, конечно, позволишь. Твой отец говорит, что ты не хочешь меня видеть, и я не виню тебя, но теперь мы должны думать не только о нас двоих, но и о нашем ребенке. Я хочу стать хорошим отцом и хорошим мужем. Да, Крисси, столь нескладно и неловко я делаю тебе предложение. Прошу тебя, скажи, что будешь моей женой и что мы будем вместе воспитывать нашего малыша. Война может разделить нас, но душой и сердцем мы всегда будем вместе.

Прости меня, Крисси. Я люблю тебя.

Навечно твой,

Билли

Тина отложила письмо и невольно поежилась. Хотя она никогда не пользовалась полным именем, при крещении ее назвали Кристиной и она мгновенно почувствовала необъяснимую связь с Крисси. Все это было так грустно. Почему Билли не отправил письмо? Что стало с Крисси и ее ребенком? Может, ей стоило попытаться все выяснить и доставить письмо истинному адресату? По крайней мере, это отвлечет ее от собственных проблем.

Глава 4

Весна 1939 года

Билли Стирлинг всегда знал, что неотразим, потому что мать неустанно твердила ему об этом. Ни для кого не стало сюрпризом, что в двадцать один год он был постоянно окружен женским вниманием. Черные волосы, чуть длиннее обычного, были уложены назад бриллиантином, смуглое лицо всегда было чисто выбрито, а идеально ровные зубы сияли ослепительной белизной, что было удивительно, учитывая, сколько сигарет он выкуривал за день. Когда он смеялся, все его лицо освещала лучезарная улыбка, а на щеках появлялись ямочки, придавая ему вид озорного школьника. Глубокий шрам над левой бровью лишь прибавлял шарма его экзотической внешности, а история о том, как он его получил, всегда заставляла восторженных барышень сочувственно вздыхать. Он не помнил об этом случае ровным счетом ничего, но мать повторяла рассказ много раз.

Элис Стирлинг горячо любила сына и старалась оградить его от всех невзгод мира. Ее муж Генри считал, что она совершенно избаловала мальчика, и даже немного завидовал той любви и заботе, которыми она окружала сына. Когда их первенец Эдвард умер в младенчестве от чахотки, Элис была безутешна и во всем винила себя. Чего бы Генри ни говорил и ни делал, ничто не могло ее переубедить. Может, она бы и поверила ему, если бы сам Генри был уверенней. Но как он мог быть уверен? Когда он вернулся с фронта, его сын был уже мертв. Он даже не успел поддержать его на руках.

Эдвард умер, когда ему было всего пять месяцев. Его слабое тельце, измученное кровавым кашлем, жаром и лихорадкой, не смогло противостоять болезни. Хотя

чаютку часто связывали с плохими условиями гигиены, Элис заботилась о сыне, как только могла. Конечно, она знала, что их семья небогата. Еды стало не хватать с тех пор, как в январе 1918-го ввели нормирование на продукты, но так во время войны жили многие семьи, и у них не умирали дети. Однокомнатная квартира, которую они снимали, напоминала каморку, но Элис делала все возможное, чтобы содержать ее в чистоте. Внутри всегда было холодно и влажно, сырость проникала всюду. Эдвард был болезненным ребенком с самого рождения, и в комнате постоянно висел запах срыгнутого молока. Перед сном Элис укутывала его в одеяла и укладывала в постель рядом с собой. Всю ночь она крепко прижимала его, пытаясь согреть собственным телом, и то и дело просыпалась, проверяя, дышит ли он. Но, несмотря на все усилия, Эдвард умер, и с тех пор Элис постоянно грызло чувство вины, подрывая ее веру в себя как мать. Возвратившись из окопов Первой мировой, Генри замкнулся в себе, и Элис становилось все труднее до него достучаться. Они редко говорили, и казалось, что это жалкое унылое существование – все, что осталось от их брака. Хотя Элис и сомневалась в себе как матери, она мечтала о ребенке. Пустоту, что зияла у нее в душе, могла заполнить лишь новая жизнь. Но учитывая ту отдаленность, что с каждым днем нарастала между ними, ее шансы забеременеть близились к нулю.

Как-то раз, вскоре после смерти маленького Эдварда, Элис случайно подслушала, как в соседней лавке сплетничали две женщины. Разговор заинтересовал ее, и она подобралась поближе, чтобы лучше разобраться, о чем шла речь. Узнав все, что ей было нужно, она вышла из магазина с колотящимся сердцем и поспешила домой. К счастью, Генри не было дома. Она быстро переделалась в свое праздничное платье, решив дополнить свой наряд меховой шапкой и перчатками. Шапка отдавала промозглой сыростью, но другой у нее не было. Элис слегка впустила ворс щеткой и осторожно водрузила шапку на голову. Она посмотрелась в крошечное квадратное зеркальце над кухонной раковиной и решила добавить пару штрихов розовой помады. Она знала, что ей предстоит неблизкая поездка и что гораздо разумнее надеть удобную обувь, но каблуки смотрелись куда элегантнее. Бросив последний взгляд в зеркало, Элис, полная решимости, захлопнула входную дверь и целенаправленно зашагала по улице.

Серые стены приюта были покрыты десятилетним слоем грязи, в водосточных трубах проросли сорняки. Черная краска на входной двери давно потеряла свой блеск, растрескалась и начала отслаиваться. Место выглядело крайне неприветливым и суровым. Элис поборола подступающее чувство тревоги и поднялась по каменным ступеням на парадное крыльцо. Смахнув со шляпы

приставшую паутину, она долго провозилась с тяжелым латунным кольцом на двери, пока ей наконец удалось произвести достаточно громкий стук. Через пару минут, показавшиеся ей вечностью, массивная дверь открылась, и на пороге появилась женщина в накрахмаленной форме медсестры и оглядела Элис с ног до головы.

- Чем могу помочь?

В эту секунду Элис поняла, что совершенно не подумала о том, что же она скажет.

- Здравствуйте... Эм-м... Меня зовут Элис Стирлинг, - промямлила она. - Могу я войти?

Медсестра скрестила руки на груди и сурово посмотрела на нее сверху вниз.

- У вас назначено?

- Боюсь, нет. Без этого нельзя?

Медсестра покачала головой и неодобрительно вздохнула, но все же распахнула дверь ипустила Элис внутрь.

- Подождите здесь. Я позову старшую сестру.

Элис смотрела, как она удаляется по коридору. Воздух пронизывал запах хлорки и переваренной капусты - от этого сочетания ее начало мутить. Во рту пересохло, а по шее начинали стекать капельки пота. Она уже пожалела, что надела шапку.

- Чем могу помочь?

Элис подскочила на месте и повернулась. У старшей сестры было доброе выразительное лицо, которое никак не вязалось с ее голосом. Элис смешалась.

- Меня зовут Элис Стирлинг. Я пришла по поводу ребенка.

- Какого ребенка? У нас тут полно детей.

- Да, конечно, - извинилась Элис. - Простите, но я не знаю его имени.

- Боюсь, вам придется быть поконкретней.

Вдалеке заплакал ребенок, и у Элис тут же сжалось горло, а к глазам подступили слезы. Она смахнула их перчаткой.

- С вами все хорошо? - спросила сестра, чуть смягчив тон.

- Не то чтобы. Понимаете, я потеряла ребенка.

- И вы думаете, он может быть здесь?

На секунду Элис смутилась.

- Нет, конечно, нет. Он умер.

Столь прямой ответ застал сестру врасплох. Она взяла Элис под руку, отвела в свой кабинет и закрыла дверь.

- А теперь расскажите мне, что все это значит?

Элис охватило непреодолимое желание выговориться.

- Мой сын, мой славный Эдвард, умер, когда ему было всего пять месяцев. Они сказали, чахотка. Я ничего не могла сделать, но я знаю, что Генри...

- Генри? - прервала сестра.

- Мой муж, - пояснила Элис. - Я знаю, он винит меня. Конечно, он говорит, что нет, но понимаете, я даже не смогла уберечь Эдварда до тех пор, пока его отец не вернется с войны. Что я за мать такая? Он никогда не видел собственного сына. Теперь мы почти не разговариваем. Он много пьет и не проявляет ко мне никаких чувств. Он думает, его горе сильнее моего, потому что я, по крайней

мере, провела с Эдвардом эти пять драгоценных месяцев.

Сестра протянула ей платок.

– Ну, ну, не вините себя. Много детей умирает от чахотки. Знаете, это бывает очень часто. Я уверена, вы сделали все, что могли.

Элис громко высморкалась.

– Но этого было мало, не так ли?

Элис не знала, как долго еще выдержит эти мучения.

Сестра взглянула на настенные часы.

– У нас сейчас будет полдник, и мне нужно следить за детьми. Почему бы вам не присоединиться к нам?

– Вы очень добры. С радостью.

– А потом вы расскажете мне, что привело вас сюда. Вы упомянули про ребенка...

Элис последовала за сестрой в столовую, в которой за длинными деревянными столами уже сидели дети. Полдник был скромным: тоненькие кусочки хлеба с маслом и жидкий чай.

Она поняла, что это он, с самой первой секунды. Глубокая рана над левой бровью подтверждала ее предчувствие. Он сидел на высоком стуле и стучал ложкой. Как только Элис подошла, он замер, улыбнулся своим беззубым ртом и протянул к ней ручки. Элис тут же подняла его и вдохнула сладкий молочный аромат. На запястье у малыша висела бумажная бирка с именем и датой рождения: «Уильям Эдвардс. 20 марта 1918 года».

– Все хорошо, – прошептала Элис ему на ухо. – Теперь мама рядом.

Вернувшись в кабинет, сестра рассказала ей, как маленький Билли оказался в детском приюте. Точно так же, как и сама Элис, мать Билли, Фрэнсис Эдвардс, родила его во время войны, но его отец Альберт трагически погиб в бою за месяц до окончания военных действий. В день перемирия, 11 ноября 1918 года, когда по всей стране радостно трезвонили колокола, Фрэнсис забралась на железнодорожный мост и, крепко прижав сына к груди, спрыгнула вниз. Она умерла мгновенно, но Билли чудом выжил, отделавшись глубоким порезом над левой бровью. Вероятно, тело матери смягчило удар. Несмотря на многочисленные объявления, никто из родственников не пришел за ним, и власти поместили Билли в детский дом.

Элис промокнула платком уголки глаз.

– И что с ним будет теперь?

Сестра пожала плечами.

– Мы будем за ним присматривать. О нем хорошо позаботятся.

– Я заберу его, – уверенно объявила Элис. – Он ребенок без матери, а я мать без ребенка. Прошу вас, сестра.

Сестра явно сомневалась.

– У нас нет официальных правил усыновления, но будут проверки, и нужно будет заполнить кое-какие бумаги, – начала она.

Взглянув на умоляющее лицо Элис, она добавила:

– Я посмотрю, что можно сделать.

Элис улыбнулась.

– Спасибо. Я поговорю с мужем.

Неделю спустя Билли покинул приют. С ним было всего две вещи: обручальное кольцо его покойной матери и засушенный полевой мак, который Альберт

прислал Фрэнсис с фронта. Вместе с маком было письмо.

12 октября 1918 года

Моя дорогая Фрэнсис,

Как бы мне хотелось, чтобы ты видела эти полевые маки. Они еще прекрасней, когда их лепестки уносит ветер. Вот этот я спас из грязных окопов Фландрии. Береги нашего мальчика. Мне не терпится его увидеть.

С любовью и бесконечной нежностью,

Навечно твой,

Альберт

Через два дня его убили в бою.

Билли вырос – весной 1939 года ему исполнился двадцать один год. Он нежно любил свою приемную мать и был сильно к ней привязан. С отцом отношения были, мягко говоря, непростыми. Билли понял, что самым правильным было просто держать дистанцию. Генри Стирлинг проводил практически все время в пабе или просто бродил по улицам, так что это было нетрудно. Он никогда так и не признал в Билли сына, и та любовь и внимание, которыми Элис окружила мальчика, лишь усугубляли его неприязнь.

Как-то вечером Билли и его лучший друг Кларк сидели за стойкой в местном баре.

– Мне тебя жаль, – заявил Кларк.

Билли глубоко затаился и посмотрел на друга.

- И почему же?

- Тебе ни разу не приходилось добиваться девушки, ты ни разу не испытывал этого волнующего чувства! Девчонки сами падают к твоим ногам. Стоит тебе войти, все смотрят только на тебя. Ну, и в чем тут интерес?

Билли пожал плечами и щелкнул пальцами бармену.

- Еще два рома, как будет минута, приятель.

Он обернулся к Кларку:

- Ты серьезно? А ты не думал, что девушки, которых заботит только то, как парень выглядит, совершенно не интересны? Это пустышки - с ними можно провести ночь, но потом они надоедают. Я хочу серьезных, длительных отношений, как любой другой мужчина.

Он пододвинул Кларку стакан.

- Твое здоровье!

Аргумент, кажется, не очень убедил Кларка.

- Рядом с тобой у меня никаких шансов, - печально вздохнул он.

Это было правдой. Когда они приходили в дансинг-холл, девушки вились вокруг них, но привлекал их Билли: с ним они хотели говорить, с ним хотели кружиться на танцполе и с ним вернуться домой в конце вечера.

- Кларк, ты мой лучший друг. Мы дружим с тех пор, как еще оба бегали в коротких штанах с разодранными коленками и чумазыми рожами. Ты предлагаешь перестать общаться, чтобы у тебя было больше шансов закадрить девчонку?

Кларк вздохнул.

- Нет, конечно, нет. Просто мне кажется, я никогда никого не встречу.

Билли похлопал его по плечу.

- Брось, Кларк, хватит себя жалеть. Какая девчонка захочет общаться с нытиком?

Сквозь прокуренный воздух паба Билли оценивающе посмотрел на друга. Что ж, возможно, девушек не очень привлекали рыжая шевелюра и веснушки, зато пронизательные ярко-голубые глаза, казалось, смотрели тебе прямо в душу, озаряя светом все лицо, которое, кстати, было весьма приятным. Низкий рост мог смутить девушек на каблуках, а тягучий акцент Блэк-Кантри казался неуместным в Манчестере, к тому же из-за него Кларк казался немного туповатым, хотя на самом деле это было совершенно не так. Более надежного, верного и порядочного парня было не найти.

- Прости, Билли, - сказал Кларк. - Еще будешь?

Билли глянул на часы.

- Пожалуй, нет. Мама ждет к ужину. Увидимся завтра в «Буканьере».

Танцзал «Буканьер» был их излюбленным местом пятничной охоты. Кучки девчонок нервно хихикали на краю танцпола, украдкой поглядывая по сторонам в надежде получить приглашение на танец. На сцене играли музыканты, светил приглушенный свет, создавая нужную романтическую атмосферу. Это было совершенно не похоже на танцы в местном церковном зале, где викарий брал на себя роль компаньонки и разнимал пары, которые, как ему казалось, танцуют, прижимаясь слишком близко. Однажды Билли буквально выставили за дверь, после того как он позволил рукам соскользнуть непростительно низко по спине партнерши. Кларк, естественно, считал, что это уморительно смешно, и не упускал случая припомнить Билли этот позорный эпизод.

В «Буканьере» таких ограничений не было, и после вчерашнего разговора Билли твердо решил найти Кларку милую девушку, которая поведет его домой знакомиться с матерью, выйдет за него замуж и нарожает ему детей. Ну, или, по

крайней мере, кого-нибудь, кто захочет с ним потанцевать. Музыканты были в ударе, и говорить было трудно. Билли сложил руки рупором и прокричал Кларку в ухо:

– Видишь кого-нибудь, с кем ты хотел бы потанцевать?

Кларк потер ухо.

– Я не глухой!

– Как насчет вон тех двух?

Билли указал на двух девушек, которые весь вечер смотрели в их сторону. Та, что повыше, была ярко покрашена и одета довольно вызывающе. Заметив на себе взгляд Билли, она соблазнительным жестом отбросила назад длинные черные волосы. Ее подруга явно чувствовала себя не в своей тарелке и смотрела в пол. Билли приосанился и пихнул Кларка в бок.

– Глянь, они идут сюда.

Оба смотрели, как высокая девушка продефилировала через зал, а ее подруга семенила за ней, стараясь не расплескать коктейль.

– Привет, девчонки, – поздоровался Билли.

– Вечер добрый, – кивнул Кларк.

– Мы заметили, что вы смотрите на нас, – сказала высокая девушка, вновь откидывая волосы назад. – Я Сильвия, но можете звать меня Сил, а это моя подруга Крисси.

– Очень приятно. Я Билли, а это Кларк.

Кларк снова кивнул и, вытерев вспотевшую ладонь о штанину, пожал девушкам руки.

Крисси приветливо улыбалась, ее голубые глаза радостно блестели. Несмотря на более сдержанный вид, Крисси, с ее аккуратно завитыми золотистыми локонами, сияющей кожей и розовыми губами, едва тронутыми помадой, была гораздо красивее подруги. Билли не мог оторвать от нее глаз, но у Сил были другие планы. Она потянула его за галстук, заставив поставить стакан на стол.

– Пошли, посмотрим, на что ты годишься.

Билли пытался протестовать, но всякое сопротивление было бесполезно. Сил мертвой хваткой взяла его за руку и потащила на танцпол. Он оглянулся и увидел, как Кларк и Крисси усаживаются за столик. Неожиданно его кольнула ревность.

Сил прекрасно танцевала, но скромность не была в числе ее достоинств.

– Да мы ослепительно смотримся, а?

Когда они вернулись за столик, Кларк и Крисси были так увлечены разговором, что едва обратили на них внимание. Музыканты сбавили темп, и парочки начали выплывать на середину зала на медленный танец. Билли знал, что Кларк всегда с ужасом ждал этой части вечера, но кажется, не сегодня. Не говоря ни слова, он протянул Крисси руку, она робко взяла ее и поднялась из-за стола. Билли оставалось лишь смотреть, как Кларк ведет ее на танцпол и кладет руки ей на талию. Они начали покачиваться в такт музыке, а Билли и Сил наблюдали за ними.

– О, они так мило смотрятся, а?

Билли ничего не ответил. У него было ужасное чувство, что он только что потерял что-то очень важное. Что-то, что никогда ему не принадлежало, но было его по праву. Кларк притянул Крисси чуть ближе и повернулся к Билли. Он поднял у нее за спиной оба больших пальца и улыбнулся. Билли заставил себя улыбнуться в ответ и приподнял свой бокал. Он не мог этого объяснить, но чувствовал себя так, словно у него из груди вырвали сердце и положили туда кусок свинца. Он вдруг со всей ясностью понял, что Крисси была любовью всей его жизни. И теперь она была в объятиях его лучшего друга.

Глава 5

Весна 1939 года

Крисси прислонила велосипед к стене и мысленно чертыхнулась, глядя на перепачканные в масле белые носки. Цепь снова слетела, и теперь ей придется проделать остаток пути пешком. К счастью, на улице было по-летнему тепло, и ее маршрут почти подошел к концу – так что могло быть и хуже. Будучи дочерью врача и акушерки, она часто выполняла различные поручения, и сейчас как раз развозила лекарства пациентам.

Крисси работала во врачебном кабинете отца на Вуд-Гарденс на окраине Манчестера. Ее обязанности разнились от приготовления микстур до полировки аптечных шкафчиков из красного дерева. Доктор Скиннер был уважаемым врачом, и Крисси относилась к нему с чувством глубокого почтения и благоговейного ужаса. Доктор Скиннер со всеми придерживался строгой дисциплины: и с женой, и с дочерью, и со своими пациентами. У него не было времени на симулянтов, и самые злостные нарушители часто получали снадобье, состоящее из простой лактозы и пары тошнотворных ингредиентов. Субстанция пахла достаточно омерзительно, чтобы убедить пациента в своей эффективности против его воображаемого недуга, а доктору приносила три шиллинга и шесть пенсов за бутылку. Не одна мать пожалела о том, что привела ребенка к доктору Скинеру с жалобой на больное горло. На следующий день несчастный мальчик или девочка уже лежали на кухонном столе под парами хлороформа, пока доктор удалял им миндалины.

Почтение к умелому врачу было столь высоко, что никто не ставил под сомнение его методы, и среди местных жителей за ним закрепилась репутация человека, способного вылечить что угодно. Все состоятельные люди, проживающие поблизости, шли к доктору Скинеру. Им было позволено входить через парадную дверь и ожидать приема в приятной обстановке семейного обеденного зала. Пока они ждали, Крисси даже готовила им чай. Системы записи как таковой не существовало, но было негласно принято, что пациенты, входящие через парадную дверь, принимались вперед тех, кому пришлось воспользоваться задним входом. Последние относились к наименее обеспеченным пациентам – они с трудом платили доктору по счетам и, вообще, порядком ему докучали. К сожалению, как показывала практика, эти субъекты болели куда чаще, чем порядочные жители Манчестера, у которых было

достаточно средств, чтобы платить доктору вовремя. Крисси часто было неловко за суровое поведение отца, и она не раз отпускала клиентов, не взяв с них денег. Когда Крисси поручили вести счета, она научилась ловко утаивать долги пациентов. Может, доктор Скиннер и был талантливым врачом, но не бухгалтером.

Крисси решила бросить велосипед на дороге и забрать его позже. Она достала из корзины коричневый бумажный пакет, в котором оставалось еще четыре пузырька. Крисси сама приготовила микстуры, осторожно запечатала бутылочки сургучом и наклеила этикетки с именем пациента. К счастью, два пузырька предназначались одному человеку, так что ей оставалось обойти всего три дома – и на сегодня она могла быть свободна.

Сегодня ей нужно было во что бы то ни стало попасть домой вовремя, потому что вечером она собиралась бросить вызов строгим родительским правилам и отправиться в «Буканьер» на танцы вместе с Сильвией. Они дружили со школы: Сильвия взяла ее под крыло, и они стали неразлучны. Почти во всем они были полной противоположностью друг друга, но, несмотря на это, их дружба пережила все испытания, не последним из которых было неодобрение родителей Крисси. Они считали, что Сильвия оказывает дурное влияние на дочь, и старались всячески воспрепятствовать их общению. Но сегодня мистер и миссис Скиннер собирались на ужин, и Крисси решила воспользоваться случаем, чтобы тайком улизнуть в «Буканьер». Если она вернется до полуночи, они ни о чем не догадаются.

Закончив разносить лекарства, Крисси забрала велосипед и дотолкала его до дома. У ворот сада ее ждал Лео, их верный эрдельтерьер. Он был самым преданным, смелым и умным существом из всех, что Крисси доводилось видеть. Всякий раз, когда она отправлялась к пациентам, он терпеливо ждал ее возвращения и встречал у ворот с безудержным восторгом. Он вилял хвостом, так что все тело ходило ходуном, а уголки губ загибались вверх, будто он действительно улыбался. Если во время врачебного обхода доктора Скиннера срочно вызывали в кабинет, за ним отправляли Лео с запиской на ошейнике.

– Привет, Лео, – поздоровалась Крисси, потрепав собаку за ухом. Она открыла перед ним скрипучую калитку сада, но пес перемахнул через забор и потрусил по тропинке к входной двери. С кухни доносились голоса родителей, и Крисси приуныла. Еще не было шести, но она хотела подготовиться заранее. Чтобы завить волосы, уйдет не меньше часа, а делать это в присутствии родителей она

не могла.

Крисси зашла на кухню, стараясь вести себя как ни в чем не бывало.

– Во сколько вы уходите?

– И тебе добрый вечер, Крисси, – ответила миссис Скиннер. – Все в порядке с доставкой?

– Что? Ах да, все хорошо, только цепь опять слетела, – сказала Крисси, указав на заляпанные маслом носки.

– Отец завтра починит, не так ли, Сэмюэл?

Доктор Скиннер затушил сигарету и зажег еще одну.

– Тебе пора научиться аккуратнее обращаться с велосипедом. Это не цепь, а проклятые тормоза или проколотое колесо.

– Отец, я не виновата в том...

Миссис Скиннер прижала палец к губам и выразительно посмотрела на Крисси, которой пришлось резко замолчать.

Миссис Скиннер обернулась к мужу:

– Ну, будет, Сэмюэл, не ворчи. Почему бы тебе не принять ванну? А я принесу тебе стаканчик виски.

– Прекрасная мысль, думаю, так я и сделаю. Я так устал, право, не отменить ли нам этот ужин?

Крисси охватил приступ паники, и она замерла, едва дыша. Сильвия должна была зайти за ней через пару часов.

Мэйбл Скиннер выпроводила мужа из кухни и последовала за ним наверх.

– Тебе будет гораздо лучше после ванны. И потом, я же не напрасно покупала новое платье. Обидно будет так его и не надеть.

Крисси с облегчением вздохнула и крикнула вслед матери:

– Что на ужин?

Откуда-то сверху донесся приглушенный ответ:

– Возьми себе хлеба с джемом, ладно? Мы с отцом поедим в гостях.

«Чудесно», – вздохнула Крисси. Она намазала маслом ломоть хлеба и отломил кусочек терпеливому Лео, который сидел рядом с ней и молча истекал слюной.

Наконец ее родители вышли из дома, но не раньше, чем снабдили ее дюжиной четких инструкций: «Не забудь внести в медицинские карты записи с сегодняшнего приема, составь список тех, кто по-прежнему должен денег за лекарства, и выгуляй Лео в десять часов». К концу нравоучительной тирады Крисси буквально вытолкала их за дверь.

– Не забуду. Хорошо вам повеселиться.

– Без глупостей тут, – предупредил доктор Скиннер, взяв жену под руку и направляясь к калитке. – Полагаю, мы вернемся к половине первого.

Крисси дождалась, пока они скроются из виду, быстро закрыла дверь и взлетела по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. К той минуте, когда раздался дверной звонок, она успела принять ванну, причесаться и переодеться в единственное приличное платье, какое у нее было. Она приоткрыла входную дверь ровно настолько, чтобы Сильвия могла проскользнуть внутрь.

– Тебя никто не видел? – шепотом спросила Крисси.

Сильвия закатила глаза.

– Мы идем на танцы, а не в службу разведки. Дай я лучше взгляну на тебя.

Она оценивающе осмотрела подругу сверху донизу.

– Неплохо. Но я бы добавила немного румян и помады.

– Даже не знаю. Я не хочу выглядеть как клоун.

– Посмотри на меня, – скомандовала Сильвия. – Я что, выгляжу как клоун?

Крисси внимательно изучила от души накрашенное лицо подруги. Брови, подрисованные углем, изгибались идеальными дугами, а ярко-красные губы резко выделялись на фоне бледной гладкой кожи, притягивая к себе все внимание. Крисси знала, что так ей не суждено выглядеть никогда.

– Конечно, нет, Сил, но в тебе гораздо больше изысканности. Ты высокая, элегантная, уверенная в себе...

Сильвия подняла руку.

– А ты хорошенькая и милая, как золотоволосая куколка.

Крисси сомневалась, что это был лучший комплимент из всех возможных, но все равно поблагодарила подругу.

– Что ж, может, мне и правда не помешает немного помады.

– Вот и умница, – похвалила Сильвия, открывая сумку.

– Нет, твоя слишком... понимаешь. Это не мое. Я лучше сбегаю наверх, посмотрю, что есть у мамы.

Она вернулась через пару минут с бледно-розовой помадой на губах.

– Гораздо лучше, – одобрительно кивнула Сильвия. – Теперь пошли, нас ждут великие дела!

Она открыла дверь и уверенно направилась по тропинке. Крисси поспешила вслед за ней.

Когда девушки пришли, зал был заполнен лишь наполовину, и собственно танцы еще не начались. Несмотря на отсутствие танцоров, музыканты продолжали играть, и Сильвия предложила выпить чего-нибудь, пока не подтянется народ. Через пару минут она больно толкнула Крисси в бок.

- А это за что?

- Тсс! Глянь вон на тех двух - только вошли.

Крисси обернулась и увидела двух молодых парней, направляющихся к бару.

- Высокий просто красавец, а? Он мой.

Крисси ничего не оставалось, как согласиться. Он выглядел довольно необычно, и она была уверена, что он не взглянет на нее ни разу, не то что захочет танцевать.

- Отлично, - ответила она. - Мне все равно больше нравится его друг. У него доброе лицо, но он так нервничает и выглядит таким неуверенным - точь-в-точь как я!

- Давай я спрошу, не хотят ли они присоединиться к нам?

Крисси пришла в ужас.

- Но разве мы не должны подождать, пока они первыми подойдут? Ну, то есть, нельзя же прямо вот так сразу.

- Ну, хорошо, - согласилась Сильвия. - Даю им полчаса, нет - пойду сама.

Она положила ногу на ногу и слегка подтянула юбку, когда юноши проходили мимо. Крисси покачала головой и уставилась на свой стакан. Ее подруга была

неисправима.

Танцпол начал постепенно заполняться, но Сильвия заметила, что двое парней так и не сдвинулись со своих позиций у барной стойки. Вдруг тот, что повыше, указал рукой в их сторону. Поймав его взгляд, Сильвия не стала терять ни секунды.

- Пошли, Крисси, - сказала она. - Пора!

Она продефилировала через зал, а Крисси проследовала за ней в кильватере.

Молодые люди представились как Билли и Кларк, и Сильвия тотчас вытащила Билли на танцпол.

- Присядем? - отважился Кларк, пододвигая Крисси стул. - Хочешь чего-нибудь выпить?

- Спасибо, я еще не справилась с этим.

- Твоя подруга прекрасно танцует, - сказал Кларк.

- Твой друг тоже.

- Кто, Билли? Да, у него было много практики. Не думаю, что хоть одна девушка хоть раз отказала ему в танце.

Крисси заметила, как глаза Кларка погрузнели.

- Ладно, оставим Билли. Расскажи лучше о себе.

- О себе? - изумленно отозвался Кларк. - Даже не знаю... Что рассказать?

Крисси поняла, что он нервничал еще сильнее, чем она, и от этого немного расслабилась. Она пожала плечами:

- Ну, откуда ты? Судя по голосу, не отсюда.

– Так и есть. Я родился в Бирмингеме, но мы переехали в Манчестер, когда мне было семь. Я встретил Билли в школе, и с тех пор мы дружим. Меня дразнили, потому что я говорил не так, как остальные, но Билли вступился за меня, и, поскольку он был самым популярным мальчишкой в классе, все его слушались. Так что мои школьные годы были бы сущим адом, если бы не он. Взамен я иногда делал за него домашнюю работу. Не потому что он глупый, нет, просто он всегда был так занят всем этим спортом, что никогда всерьез не думал об учебе. Ну, и мать его избаловала тоже. Этот парень может из кого угодно веревки вить.

Крисси посмотрела на танцующих Билли и Сил. Билли выглядел рассеянным и постоянно оглядывался на их столик. Заметив взгляд Крисси, он улыбнулся ей, и она, тотчас вспыхнув, в смущении отвернулась.

– Что ж, похоже, они с Сил нашли друг друга.

– Да, она ему под стать – настоящая красотка! Билли всегда достаются самые роскошные девушки.

Пристально глядя в голубые глаза Кларка, Крисси ждала, пока он осознает, что только что сказал. В следующую секунду Кларк побледнел от ужаса.

– Прости, я не имел в виду... Ты очень красивая, просто по-другому, менее очевидным образом, что ли, – сбивчиво извинялся он. – То есть тебе не нужен весь этот макияж и все такое, ты от природы красивая и...

Крисси остановила его и улыбнулась:

– Хватит! Я тебя прощаю.

Она украдкой взглянула на часы.

– Я тебя не задерживаю? – спросил Кларк.

– Вовсе нет. Просто мне нужно быть дома к полуночи, значит, выйти нужно где-то в половину.

- Тогда еще полно времени, - с облегчением ответил Кларк. - Хочешь сигарету?

- Нет, спасибо, я не курю. Но ты кури, мне не мешает.

- Точно?

Кларк открыл пачку «Кэпстена» и вынул сигарету.

- Расскажи мне о себе.

- Особо нечего рассказывать. Я работаю у отца, доктора Скиннера, в его врачебном кабинете. Моя мать акушерка, так что я иногда помогаю и ей тоже, но я немного брезглива. Насмотришься вот так на роды - вся охота заниматься сексом пропадет.

Не успев договорить, Крисси пожалела, что не провалилась под землю в ту же секунду. Она чувствовала, как ее щеки залились малиновым румянцем. И с чего только ей взбрело в голову сказать нечто подобное. Кларк поперхнулся, расплескав янтарное пиво по подбородку.

- Извини, я не это имела в виду...

Кларк расхохотался, и Крисси рассмеялась вслед за ним - безудержный смех охватил обоих.

К тому времени, как Билли и Сил вернулись за столик, они вновь увлеченно разговаривали. В эту секунду зазвучала медленная мелодия, и Кларк молча встал и протянул Крисси руку. Она протянула руку в ответ и проследовала за Кларком на танцпол. Поначалу они двигались застенчиво и неуклюже, и Кларк постоянно наступал ей на ноги, но через какое-то время они стали лучше чувствовать друг друга и начали получать от танца удовольствие. Кларк был почти одного роста с Крисси, поэтому она без труда могла смотреть ему в глаза. Он улыбнулся и притянул ее ближе. Его кожа пахла цитрусовым ароматом с легкой примесью табака. Крисси вдруг подумала, что будет, если он поцелует ее, и от одной этой мысли ее охватила паника. Она сделала глубокий вдох и заставила себя успокоиться. Ей было девятнадцать лет, в конце-то концов.

Положив руки Кларку на плечи, она притянула его чуть ближе и за его спиной еще раз украдкой посмотрела на часы. Он уткнулся носом ей в шею и крепче обнял за талию. Крисси с удивлением обнаружила, что уже почти половина двенадцатого. Пора было идти, но ей так не хотелось рушить волшебство танца. Мысленно она кляла отца с его строгими правилами.

Когда музыка стихла, они осторожно расцепили объятия.

– Извини, но мне действительно пора идти.

– Я понимаю. Хочешь, я провожу тебя?

Крисси оглянулась в сторону Билли и Сильвии. Она нежно гладила его по лицу, водя пальцами по шраму. Билли было явно не по себе.

– Было бы здорово, спасибо. Я только спрошу, не против ли Сил.

Конечно же, Сил была не против. Она была очарована Билли и совершенно не возражала остаться с ним наедине.

Кларк подсел к Билли.

– Поверить не могу. Она просто чудо, – восторженно выпалил он другу на ухо. – Я предложил проводить ее домой. Ты же не против? Тебе тут, кажется, есть чем заняться.

– Конечно, давай! Удачи тебе!

Крисси подошла к Кларку и Билли.

– Ну что, пошли? – спросила она.

– Да, конечно, – ответил Кларк, взяв ее за руку.

– Пока, Билли. Было приятно познакомиться.

Она протянула другую руку, и в ту секунду, когда он пожал ее, их глаза на мгновение встретились. Взгляд Билли поразил ее. Он был полон такой тоски и грусти, что Крисси смутилась. Его карие глаза казались такими темными, что в них не было видно зрачков.

– Пока, Крисси. Присматривай за Кларком как следует, – сказал он, подмигнув ей.

Крисси снова покраснела и, окончательно смешавшись, крепче ухватилась за руку Кларка, чтобы не упасть.

– Л-ладно... Ну, пока, – выдавила она.

Билли, не отпуская ее руку, задержал взгляд еще на секунду, пока Сильвия не вытащила его из-за столика.

– Пошли, у нас есть время на еще один танец!

Кларк и Крисси, держась за руки, пошли к выходу. Кларк открыл перед ней дверь, и Крисси с трудом поборолла желание обернуться. Кларк был славный, и ей было абсолютно комфортно в его компании, так почему же у нее было такое чувство, что она уходит не с тем мужчиной?

Хотя апрельский вечер был прохладным, Крисси и Кларк согрелись от быстрой ходьбы, и когда они добрались до дома, Крисси немного запыхалась. Кларк посмотрел на часы.

– Пять минут первого. Что ж, мы молодцы.

Крисси с облегчением заметила, что света в окнах не было, а значит, ее родители еще не успели вернуться. Теперь предстоял несколько неловкий момент.

– Боюсь, я не могу пригласить тебя зайти. Скоро вернутся родители, и...

Кларк приложил палец к ее губам.

- Все в порядке, но я был бы очень рад увидеть тебя снова.

Крисси помедлила, вспомнив о Билли и его прощальном взгляде, полном невыразимой тоски. Она представила, как они с Сильвией плавно кружатся в усыпляющем мраке танцевального зала. Что ж, он в любом случае никогда не положит глаз на такую наивную простушку, как она. Крисси вдруг поняла, что Кларк по-прежнему ждет ответа. Она кивнула.

- Я бы тоже была рада.

- Правда? - изумленно переспросил Кларк.

- Да, правда, - рассмеялась Крисси. - Я свободна в воскресенье, мы могли бы прогуляться.

- Прекрасно, - ответил Кларк. - Я позвоню около часа.

Крисси тут же охватила паника.

- Не надо, - выпалила она. - Давай лучше встретимся сразу в парке у эстрады. Я принесу бутерброды, если хочешь.

- Буду с нетерпением ждать.

Кларк поднес ее руку к губам и нежно поцеловал, после чего развернулся и, не сказав ни слова, зашагал прочь.

Открыв калитку сада, Крисси в ужасе оцепенела. На пороге, дрожа и жалобно поскуливая, сидел Лео. Она точно знала, что заперла его внутри, и это могло значить лишь одно. Родители были дома.

Крисси дрожащими руками рылась в сумочке в поисках ключей. В спешке она успела перевернуть содержимое дважды, прежде чем вспомнила, что ключи лежат в кармане пальто. Лео кружил у ее ног, требуя внимания.

- Лео, перестань, пожалуйста. Мне нужно войти.

Затаив дыхание, она зашла в прихожую. Внутри царил кромешный мрак, и не было слышно ни звука. Очень странно – может, родители все-таки не вернулись? Наверное, она забыла закрыть заднюю дверь, и Лео выскочил через нее. Она на ощупь пробралась на кухню и повернула выключатель, зажмурившись от яркого света. Лео проследовал за ней и начал жадно лакать воду из миски. Задняя дверь была закрыта, а на столе стояли две пустые кофейные чашки.

В эту секунду заскрипела лестница, и сердце Крисси ушло в пятки. Паника превратилась в настоящий ужас, когда в дверном проеме показался отец с багрово-красным лицом. Он был вне себя от ярости, тяжело дышал и явно не мог подобрать слов, чтобы выразить свое возмущение. Крисси застыла на месте, дрожа всем телом, а Лео съежился за ней. Доктор Скиннер сделал шаг вперед, поднял руку и со всего размаха ударил Крисси по лицу. Она пошатнулась и, споткнувшись о Лео, ударилась головой о каменный пол. По-прежнему не проронив ни слова, доктор Скиннер резко развернулся и затопал обратно по лестнице.

От вкуса крови во рту Крисси начало мутить. Она попробовала сесть, но кухня заходила ходуном, и Крисси легла обратно на пол, тихонько всхлипывая. Лео облизал ей лицо и свернулся калачиком рядом. Забывшись в беспокойном сне, оба провели остаток ночи на холодном, безжалостно твердом полу.

В субботу Билли и Кларк встретились в пабе выпить по кружке пива.

- Дождаться не могу, - сказал Кларк, передавая другу стакан.

- И где вы с ней встречаетесь? - спросил Билли.

Он знал, что должен радоваться за Кларка – ведь тот так долго мечтал встретить кого-нибудь, – но он ревновал и с трудом скрывал это.

- В парке, у эстрады. Она захватит что-нибудь перекусить.

- Мило. Ты уже целовал ее?

Внезапный вопрос застал Кларка врасплох.

- Эээ... Нет, только руку.

Билли почувствовал облегчение.

- Может, завтра поцелуешь?

- Билли, я не хочу торопиться. Не хочу все испортить. Думаю, она может быть той самой.

- Ты ее видел один раз.

- Знаю, это глупо, но она такая ласковая и дружелюбная...

- Как лабрадор?

Кларк фыркнул в свой стакан.

- Отвали, Билли, - рассмеялся он. - Ты знаешь, о чем я.

В этом и была беда. Билли знал, потому что чувствовал ровно то же самое.

На следующий день Кларк с нетерпением ждал у эстрады. Уже было десять минут второго, а Крисси все не появлялась. Еще не время паниковать, убеждал он сам себя, поглядывая на часы в сотый раз. Было не по сезону тепло, и он жалел, что решил надеть костюм с галстуком. Живот скрутило, и Кларк чувствовал, что скоро ему придется вновь воспользоваться туалетом. Общественный туалет находился в пределах видимости, но Кларк боялся, что в его отсутствие появится Крисси и решит, что он не пришел. Он остался стоять на месте, переминаясь с ноги на ногу, нервно расправляя манжеты и приглаживая

галстук. Его глаза не покидали ворот парка – он ждал, что в них вот-вот покажется Крисси, румяная и сияющая, с плетеной корзинкой для пикника и клетчатым пледом, и будет извиняться за свое опоздание. Он вежливо поцелует ее в щеку и будет заверять, что нет, она опоздала совсем ненадолго, а потом скажет, как прекрасно она выглядит. Она будет немного запыхавшейся от спешки, и они вместе упадут на плед и будут лежать, взявшись за руки, будто знают друг друга всю жизнь.

В половину второго Кларк твердо знал, что Крисси не придет. Как он мог быть настолько глуп, чтобы поверить, что она вообще могла прийти? Девушки, как Крисси, всегда были вне его досягаемости, и ничего не изменилось. Он рухнул на траву и с досадой вырвал нарцисс. Его лепестки уже пожухли и сморщились: яркий цветок, некогда внушавший надежду и счастье, превратился в серое увядшее уродство.

Оставшись одна в своей спальне, Крисси посмотрела на себя в зеркало на туалетном столике. Кровь запеклась на распухшей губе, а голова по-прежнему раскалывалась. Глядя на часы, Крисси с тоской подумала, как долго Кларк прождет ее у эстрады, прежде чем уйти. Внутри нее клокотала ярость. Какое право отец имел вот так держать ее взаперти? Всю субботу она просидела под замком в комнате с небольшим количеством еды и воды. Сейчас наступило воскресенье, и не было никакой надежды на освобождение.

В субботу утром родители устроили ей взбучку за вечернюю вылазку.

– Я просто пошла с Сил потанцевать, – протестовала она.

– Куда? – спросил отец, как будто это имело значение.

– В «Буканьер».

– В этот вертеп? – воскликнул он, обернувшись к жене. – Я говорил тебе, Мэйбл, она совсем от рук отбилась.

Крисси не смогла удержаться и прыснула от смеха.

– Сэмюэл, не преувеличивай, – пыталась Мэйбл урезонить мужа.

Она обернулась к дочери.

– Если ты хотела потанцевать, тебе стоило спросить нас. Что нас с отцом огорчает, так это то, что ты нам солгала.

– Я знала, что вы не разрешите.

– Что за юноша был с тобой? – вдруг резко спросил доктор Скиннер.

Он, должно быть, подглядывал за ними из окна. Слава богу, они не поцеловались, подумала Крисси. Отец убил бы обоих.

– Его зовут Кларк, – с вызовом ответила она. – Он порядочный парень, очень вежливый и хотел убедиться, что я благополучно доберусь до дома.

– Куда делась Сильвия? – спросила Мэйбл.

– Я оставила ее на танцах с другом Кларка – Билли.

– Эта девушка плохо на тебя влияет, всегда плохо влияла, – пробурчал Сэмюэл.

Крисси начала было защищать подругу, но открыла рот слишком широко, так что ссадина на губе разошлась и снова начала кровоточить. Она приложила к губе платок и замолчала. Ее отец отвел взгляд, казалось, ему даже было немного стыдно.

– Послушай, я сожалею, что ударил тебя, – признал он. – Мы просто волнуемся за тебя, вот и все. Если хочешь, мы можем каким-то образом договориться, чтобы отпускать тебя чаще. Но вчера ты перешла черту и за это будешь наказана.

«Как будто удар по лицу и ночь на кухонном полу – это недостаточное наказание», – с горечью подумала Крисси.

– Оставшийся день ты проведешь у себя в комнате, – сказала Мэйбл, смотря в пол, чтобы не видеть возмущенного негодования на лице дочери.

– Оставшиеся выходные, – настоял Сэмюэл.

Мэйбл посмотрела на мужа и поняла, что лучше не спорить:

– Ты проведешь в своей комнате оставшиеся выходные.

Крисси подумала о свидании с Кларком и запротестовала. Доктор Скиннер поднял руку, и Крисси инстинктивно вздрогнула.

– Довольно! Немедленно отправляйся в комнату!

Она поднялась и с несчастным видом начала подниматься по лестнице.

– Я чуть попозже принесу тебе чего-нибудь поесть, – крикнула ей вслед Мэйбл.

– Тогда не забудьте выгулять Лео, – язвительно ответила Крисси. – И пустые пузырьки нужно вымыть до понедельника. Ах да, и еще продезинфицировать хирургические инструменты.

Она чувствовала, что одержала хоть маленькую, но победу. Насмешливо улыбаясь, Крисси захлопнула дверь.

Теперь ей было ужасно не по себе из-за того, что она так обошлась с Кларком, но она надеялась, что он не придет за ней домой. Это приведет отца в такое бешенство, что она проведет в четырех стенах остаток своей жизни. У нее не было никакой возможности связаться с ним, она даже не знала его фамилии, не то что адреса. Ей отчаянно хотелось все объяснить, и беспомощность и чувство вины сводили ее с ума. Кларк подумает, что она обманула его, а он этого совершенно не заслуживал. Он был так добр и внимателен, но так не уверен в себе. Крисси вспомнила, как он посмотрел на нее, когда она согласилась с ним встретиться. Выражение полного неверия сменилось настоящим восторгом в ту секунду, когда он понял, что она действительно хочет вновь его увидеть. Теперь он будет совершенно сломлен.

Когда Билли в тот вечер вошел в паб, бармен тут же кивком указал ему в угол зала. Там, развалившись на стуле, в окружении пустых стаканов и переполненных пепельниц, сидел Кларк.

– Сидит здесь с открытия, – сообщил бармен. – В дверь колотил, столько шуму наделал.

Билли подошел к столику и придвинул табуретку. Галстук Кларка съехал набок, рукава были засучены по локоть. Из-под полуприкрытых век он красными глазами тарачился в очередной стакан пива.

– Дружище, ты как? – осторожно начал Билли. – Судя по всему, с Крисси прошло не очень?

– Да вообще никак не прошло.

Сердце Билли забилося сильнее.

– В каком смысле?

– Она не пришла.

В голосе Кларка сквозила горечь. Он зажег еще одну сигарету и закашлялся.

– Посмотри на себя, – сказал Билли. – Не думаешь, что тебе уже хватит?

– Хватит чего? Сигарет, алкоголя и разочарований?

– Давай, соберись и расскажи мне, что случилось.

Кларк откинулся на спинку стула и потер лицо руками.

– Как я уже сказал, она так и не пришла. Оставила меня стоять там, как идиота. Она действительно мне нравилась, Билли. За что она так со мной?

– Я уверен, есть какая-то веская причина, – ответил Билли, надеясь, что ошибается. – В тот вечер ей явно нравилось быть с тобой. Не могла же она просто так передумать?

– Все, с меня хватит. Больше никаких девушек. Одна морока. Не стоит оно того, – угрюмо буркнул Кларк.

В понедельник утром Билли стоял у врачебного кабинета на Вуд-Гарденс. Кларк сказал ему фамилию Крисси и что ее отец был врачом, так что не нужно было обладать дедуктивными способностями Шерлока Холмса, чтобы выяснить, где она живет. Билли даже не был уверен, зачем он сюда пришел, не говоря уже о том, что он собирается сказать, но он чувствовал, что ему просто необходимо снова увидеть ее. В тот вечер она пробудила в нем что-то особенное, что было трудно объяснить. Может, все потому, что она казалась больше увлеченной Кларком, чем им, – чего никогда не случалось раньше. Все то время, что он маялся с прекрасной, но ужасной Сильвией, он не переставал думать о Крисси, и всякий раз, оглядываясь на них с Кларком, он ощущал болезненные уколы ревности.

Билли знал, что Кларк всегда чувствовал себя ниже его, потому что Билли был так популярен в школе, но на самом деле это он восхищался Кларком. Если Билли работал в местной пекарне – работа не то чтобы очень увлекательная и престижная, то Кларк устроился в Манчестерское кооперативное общество, где занимался сбором денег за товары, купленные в кредит. Как-то он показал Билли толстенную бухгалтерскую книгу в кожаном переплете и объяснил, что в нее вносятся все платежи, а потом подводится баланс. Билли озадаченно покачал головой и пожалел, что бил баклуши в школе. Он работал посменно и часто впахивал по ночам, а потом отсыпался весь следующий день. Из положительных моментов – он получал свою долю бесплатных пирожных с кремом.

Вдруг раздался собачий лай, и из-за дома появился кучерявый, черный с подпалинами пес, а за ним вышла Крисси, толкая велосипед. Билли спрятался за кустом и смотрел, как она борется с велосипедом, пытаясь перевернуть его. Велосипед опрокинулся, и она громко выругалась. Поколебавшись секунду, он вышел из своего укрытия и открыл калитку.

- Помощь нужна? - спросил он.

Пес бросился ему навстречу, словно он был давним другом. Крисси выпрямилась и в удивлении подняла брови. Билли не сомневался, что она сразу его узнала.

- Спасибо, было бы здорово.

Билли подошел к ней и поставил велосипед на сиденье и руль. Он тут же заметил ссадину у нее на губе и желтеющий синяк на щеке.

- Цепь слетела. Отец обещал починить, но забыл, - объяснила Крисси.

- Хочешь, я починю?

- Если тебя не затруднит, я была бы очень рада.

Билли снял пиджак и закатал рукава. В считанные секунды он поставил цепь на место и перевернул велосипед обратно.

- Готово, - сказал он, потирая измазанные в масле руки.

Он заметил, что Крисси постоянно оглядывалась, пока он чинил велосипед. Теперь, похоже, ей не терпелось быстрее уйти.

- Ты в порядке, Крисси? - мягко спросил он.

- Пожалуйста, пойдем со мной, - ответила она.

Она покатила велосипед по тропинке, и Билли открыл ей калитку. Пару минут они шли молча, пока не добрались до сквера, в честь которого улица и получила название Вуд-Гарденс. Крисси прислонила велосипед к поручню, и они сели рядом на скамейку.

Глядя перед собой, Билли спросил:

- Что случилось с твоим лицом?

Он в ужасе выслушал рассказ Крисси, с трудом веря своим ушам.

- Это сделал твой отец?

- Ерунда, правда. Я сама виновата. Не надо было сбегать вот так. Понимаешь, у меня родители очень строгие. Они беспокоятся за меня.

При мысли о том, что доктор Скиннер поднял руку на Крисси и продержал ее взаперти все выходные, Билли пришел в бешенство. Он обернулся к Крисси и, нежно обняв ладонями ее лицо, провел большим пальцем по разбитой губе. Для едва знакомого человека, это был смелый жест и совершенно не запланированный. Крисси изумленно посмотрела на него, но не отвела глаз.

Через пару мгновений она спросила:

- Как Кларк?

Вопрос тут же разрушил образовавшуюся между ними связь. Билли опустил руки и отвел глаза в сторону.

- Прости, - поспешно сказала Крисси. - Но мне очень стыдно, что я вчера так с ним поступила.

- У тебя была серьезная причина, - ответил Билли. - Ты сидела под стражей в собственном доме.

- Ты видел его? Мне очень хочется все ему объяснить, но я понятия не имею, как с ним связаться.

- Да, видел вчера. Честно говоря, выглядел он не очень, но думаю, он придет в себя.

- Особенно если я расскажу ему, в чем дело, - сказала Крисси.

- А обязательно рассказывать? - вкрадчиво спросил Билли.

- Почему нет?

Билли знал, что ведет себя неразумно, даже гадко, но ничего не мог с собой поделаться. Ему было стыдно в этом признаться, но он хотел получить эту девушку даже ценой счастья собственного друга.

- Крисси, слушай. Когда мы встретились в пятницу, я глаз не мог от тебя отвести. Я хотел говорить с тобой и танцевать с тобой, но эта чертова Сильвия буквально похитила меня, а потом вы с Кларком вроде так поладили. Когда он пошел тебя провожать, я места себе не находил.

Крисси взволнованно смотрела на него.

- Я чувствовала то же самое, но, понимаешь, я и думать не могла, что кто-нибудь такой... красивый когда-нибудь обратит на меня внимание.

Билли крепко взял ее за руку.

- Крисси, ты очень красивая. В тебе есть грация, элегантность и изящество. Сильвия тебе и в подметки не годится.

Она покраснела и застенчиво улыбнулась.

- Что произошло между тобой и Сильвией?

- Ничего, - пожал он плечами. - Я проводил ее домой из вежливости и сказал, что мы не можем встречаться, потому что у меня есть другая.

- И правда есть? - нервно спросила Крисси.

Он подмигнул ей:

- Пока нет.

Крисси в смятении вскочила на ноги.

– Мне действительно пора идти.

– Я увижу тебя снова?

– Я была бы рада, но как же Кларк?

К своему стыду, Билли совершенно забыл о друге.

– Я поговорю с ним, – пообещал он.

Билли думал сохранить их зарождающийся роман с Крисси в тайне, но понял, что это невозможно, к тому же малодушно. Может, он и был двуличным подонком, но трусом он не был. Разговор прошел не самым лучшим образом.

– То есть как, вы с Крисси встречаетесь? – недоверчиво спросил Кларк.

– Кларк, прости. Между нами просто что-то щелкнуло, понимаешь, с первого взгляда. Мы оба...

Билли не смог закончить предложение – Кларк схватил его за горло.

– Ты просто не можешь видеть, что я счастлив, а, Билли? Да что с тобой такое? Ты же прекрасно знаешь, как я хотел ее увидеть, как долго я ждал такую девушку, как Крисси, или вообще любую девушку, но тебе надо было все испортить! Черт подери, Билли, просто невероятно!

С пылающими от злости глазами и пузырящейся слюной у рта Кларк толкнул Билли к стене.

– Дружище, спокойно...

Столь неистовый припадок бешенства поразил Билли – таким он Кларка еще не видел.

– Я тебе не дружище. Видеть тебя больше не хочу. Никогда.

Кларк пулей вылетел вон, оставив Билли в полном недоумении. Что ж, стало быть, вот и все. Детской дружбе пришел конец, и все ради девчонки. Такое, должно быть, случалось сотни и тысячи раз по всему миру, но от этой мысли легче Билли не стало. Теперь он твердо решил во что бы то ни стало сделать Крисси счастливой. К сожалению, двое мужчин, ни одного из которых он не встречал, сговорились разрушить его счастье. Один был отец Крисси, доктор Скиннер, а второй – мародерствующий по всей Европе психопат, одержимый идеей империи.

Глава 7

Лето 1939 года было самым счастливым в жизни Билли. Несмотря на угрозу войны, нависшую над страной, он пребывал в состоянии постоянной эйфории. Его отношения с Крисси переросли во что-то реальное и осязаемое, несмотря на неодобрение ее отца. Как и следовало ожидать, Сэмюэл Скиннер испытывал к Билли глубокую неприязнь и едва переносил его. В его глазах Билли был не чета его дочери. Осиротелый неудачник с бесперспективной работой, истеричкой матерью, которая идеализировала его, и отцом-алкоголиком, который его практически игнорировал. Доктор Скиннер хорошо помнил эту семью. После смерти первенца Элис Стирлинг очень беспокоилась о здоровье приемного сына и водила его к доктору с утомительным постоянством. Мало он насмотрелся на него в детстве, теперь его собственная дочь по уши влюбилась в этого Билли Стирлинга.

По крайней мере, на этот раз Крисси проявила мудрость и сразу рассказала отцу о Билли, а не стала встречаться с ним за его спиной. Доктор Скиннер, со своей стороны, смирился, решив, что отношения будут недолгими и несерьезными. Однако его предположение не оправдалось, и теперь он надеялся лишь на то, что Билли призовут в армию в недалеком будущем и это положит конец всей истории.

Их первая встреча прошла не очень гладко. Доктор Скиннер не видел Билли с тех пор, как тот был мальчишкой, но вспомнил имя и сразу же узнал. Над его левой бровью по-прежнему отчетливо виднелся шрам.

– Добрый вечер, доктор Скиннер, – поздоровался Билли, протягивая руку.

Доктор не обратил на него никакого внимания и повернулся к Крисси.

– Я хочу, чтобы ты была дома к десяти.

Из кухни появилась Мэйбл Скиннер в форме акушерки.

– Ты, должно быть, Билли, – сказала она. – Очень рада познакомиться.

Сжав губы, Сэмюэл смотрел, как жена пожимает Билли руку. Мэйбл пришлось пустить в ход всю свою силу убеждения, чтобы уговорить мужа дать Крисси чуть больше свободы.

– Спасибо, миссис Скиннер. Я позабочусь о вашей дочери.

– Пойдем, Билли, – с нетерпением сказала Крисси.

Мэйбл удалилась обратно на кухню, и Крисси с Билли поспешили к калитке под пристальным взглядом Сэмюэля Скиннера, который продолжал стоять в дверях.

Билли вдруг придержал Крисси за руку.

– Подожди секунду, ладно?

Он вернулся обратно к входной двери как раз в ту секунду, когда Сэмюэл Скиннер собирался закрыть ее. Билли просунул ногу в дверь и приблизил лицо вплотную к доктору.

– Если ты еще раз хоть пальцем тронешь свою дочь, клянусь, я убью тебя собственными руками.

Доктор Скиннер обычно не испытывал недостатка в словах, но на этот раз он не нашелся, что сказать, и молча проводил Билли изумленным взглядом, глядя, как тот уверенно положил руку Крисси на талию.

У Билли никогда раньше не было серьезных отношений, и он очень дорожил теми чувствами, что пробуждались в нем. Он знал, что влюбился, и даже злобный доктор Скиннер не мог охладить его пыл. Чего он действительно боялся, так это того, что вот-вот объявят войну и его отошлют на какой-нибудь дальний фронт сражаться за что-то, чего он толком не понимал. Когда кончилась Первая мировая, он был младенцем, но знал, что война унесла жизнь его отца и, в некотором смысле, матери тоже. Все это было так бессмысленно. И вот теперь новая война грозила погубить его зарождающиеся отношения с Крисси.

Держась за руки, они шли вдоль тихой речки. Было ясно и солнечно, небо сияло лазурью, а птицы – жаворонки, овсянки и дрозды, – казалось, соревновались, кто споет громче и мелодичней. Воздух был наполнен ароматом черемши, а в воде колыхались заросли кресса. Крисси была в своем любимом летнем платье – бледно-голубом в желтый горошек с белым поясом, повязанным вокруг ее тонкой талии. Билли снял куртку и нес ее в одной руке, в другой у него была корзинка для пикника. Лео нарезал круги впереди них, гоняясь за кроликами.

– Где сядем? Где тебе нравится? – спросил Билли.

Крисси посмотрела на берег реки.

– Давай вон там, под дубом. Хороший вид, и нежарко.

Они расстелили плед на траве и присели. Крисси открыла корзинку и достала вареные яйца, бутерброды с консервированным мясом, спелые помидоры и домашний фруктовый пирог. Лео сидел между ними с самым умильным выражением, на которое был способен. Он не сводил глаз с бутербродов и начал пускать на плед слюни.

– Господи, Лео, пошел отсюда, – шикнула на него Крисси.

Пес поджал хвост и отполз в сторону.

– Здесь так спокойно, – сказала Крисси. – Не верится, что может быть какая-то война.

Билли покосился на противогазы, которые теперь все должны были носить с собой.

– Не знаю, Крисси, – ответил он серьезно. – В любом случае, что толку беспокоиться – лучше от этого не станет. Давай лучше наслаждаться тем временем, что у нас есть.

– Ты так говоришь, будто войну уже объявили! – встревоженно сказала Крисси.

Билли взял ее ладони в свои и посмотрел в ее светлые глаза.

– Я надеюсь, что до этого не дойдет, но надо быть реалистами. По крайней мере, мне точно придется пройти военную подготовку.

Он заправил выбившийся завиток ей за ухо. В глазах Крисси блестели слезы, и она опустила голову. Билли резко вскочил на ноги.

– Давай, пошли плавать!

– Ты что! Вода ледяная, – рассмеялась она.

Билли уже сбросил ботинки с носками и закатывал штаны. Лео оживился и прыгнул в воду. Крисси сняла туфли и гольфы, и, взявшись за руки, они спустились к кромке воды.

Стоя на одной ноге, Билли осторожно окунул палец в воду.

– Черт, ледяная!

Крисси рассмеялась:

– Что я говорила!

– В детстве точно была теплей!

Крисси села на берегу у самой воды.

– Ты приходил сюда раньше?

Билли стоял в воде по щиколотку, и ноги начинало сводить от холода. Он смотрел куда-то вдаль.

– Да, мы с Кларком приходили сюда после школы. Иногда вместо школы, – признался он. – Мы называли это место Каменный ручей. Даже не знаю, сами мы это выдумали, или он и правда так называется. Мы ловили здесь пескарей: привязывали на нитку кусочки пробки. Рыбешки заглатывали наживку, и мы вытаскивали их из воды, – улыбнулся Билли, погрузившись в воспоминания. – А еще мы охотились на белок. Лесная комиссия тогда платила два с половиной пенса за беличий хвост. Боялись, что они разнесут заразу – только серые, не рыжие. Мы их звали древесными крысами. Часами сидели в засаде с самодельными катапультами, но ни одну так ни разу и не поймали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19430283&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://telnovel.com/ru/ketrin-hyuz/pismo-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)